

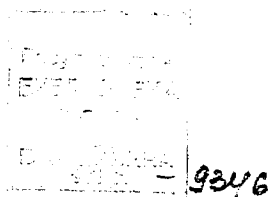
А. ГИНДИН

КАК БОЛЬШЕВИКИ ОВЛАДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННЫМ БАНКОМ

(ФАКТЫ И ДОКУМЕНТЫ
ОКТЯБРЬСКИХ ДНЕЙ В ПЕТРОГРАДЕ)

Под редакцией
члена-корреспондента Академии наук СССР
проф. В. П. ДЬЯЧЕНКО

ГОСФИНИЗДАТ * 1961 * МОСКВА

ОТ АВТОРА

В настоящей книге рассказывается о борьбе большевиков за овладение Госбанком с первых дней Октябрьской революции примерно до декабря 1917 г. За это время Госбанк был настолько прочно обеспечен кадрами, что мог выполнять все банковские операции, необходимые для Советской власти, и начать по заданию Ленина подготовку к национализации частных банков. События показаны хронологически, день за днем.

В книге использованы документы из архивов, газетные материалы того времени и воспоминания участников событий. Ряд документов публикуется впервые. Все факты и документы, как правило, подкрепляются ссылками на источники. Когда речь идет об архивах, они обозначаются сокращенно: ЦГАОР и СС (Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства), ЦПАИМЛ (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма), ГАОР и ССЛО (Государственный архив Октябрьской революции и советского строительства Ленинградской области).

Книгу автор стремился изложить популярно, сделать ее доступной широкому кругу читателей.

Приношу благодарность Е. М. Соловей, Н. Ф. Стратилатовой (Красиковой), А. М. Шатерниковой, Г. М. Гиндину за помощь в написании этой книги.

Прошу читателей свои отзывы посылать в Госфиниздат: Москва, ул. Чернышевского, д. 7.

2007052961

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

(Слово старых большевиков)

Большой ошибкой руководителей Парижской коммуны было то, что они не овладели Эмиссионным Французским банком, в кассах которого были огромные суммы (на 3 млрд. франков) наличных денег и ценностей. Находясь в плену мелкобуржуазных утопических взглядов, руководители Коммуны, несмотря на острую нужду в деньгах, благоговейно остановились перед дверьми Французского банка, боясь нарушить эту «святыню» кредита. За период почти трехмесячной борьбы коммунарам удалось получить из банка всего 16,5 млн. франков, из которых 8 млн. были взяты в последние дни, когда ход событий понудил руководителей Коммуны быть более настойчивыми. А в это время заправила банка, тесно связанная с контрреволюционным правительством Тьера, пересылала в Версаль огромные суммы (258 млн. франков). Заместитель директора банка Де Плек сумел даже отправить в Версаль клише для печатания денег. По словам одного из членов Коммуны Паскаля Груссе, банк представлял собою настоящий генеральный штаб внутренней реакции и сборный пункт бесчисленных версальских агентов. Энгельс писал, что банк в руках Коммуны имел бы большее значение, чем десять тысяч заложников.

Большевистская партия, руководимая великим Лениным, в Октябрьские дни 1917 г. не допустила повторения ошибки парижских коммунаров. В первый же день Октябрьской революции Государственный банк был захвачен вооруженной силой восставшего народа. Несмотря на бешеный саботаж чиновников, большевики в течение короткого срока полностью овладели банком,

поставив его на службу революции. Выполняя ленинские программные указания, большевики затем национализировали все частные банки и слили их с Госбанком, создав единый Народный банк республики.

Овладение Государственным банком явилось первым этапом на пути овладения всей кредитной системой и превращения ее из орудия угнетения трудящихся масс в мощное орудие социалистического строительства. Значение этого этапа предопределялось крупной ролью Государственного банка в экономической жизни страны, как эмиссионного центра, являвшегося своего рода «банком банков». Коммерческие банки и другие кредитные учреждения хранили в нем все свои кассовые резервы и получали необходимую денежную наличность. Предоставляя частным банкам и капиталистическим предприятиям кредиты для их операций и находясь в теснейшей финансовой связи с крупными монополиями, Государственный банк участвовал своими ресурсами в торговле хлебом, сахаром, мануфактурой, лесом и другими товарами, экспортируемыми за границу.

Овладение этим форпостом финансового капитала было далеко не легким делом. Вспоминая о том, как большевики завоевывали различные министерства в Октябрьские дни 1917 г., Н. К. Крупская писала, что буржуазия направляла свои главные силы на защиту таких узловых пунктов, как продовольствие, финансы, банки; «тут особенно злостно был организован саботаж, с одной стороны, с другой — тут у нас было меньше всего опыта, практического знания дела»¹. В процессе овладения Государственным банком были и неудачи. И это понятно: мы первые совершали социалистическую революцию; в банковом деле у нас не было опыта, не было финансовых кадров, а препятствий на каждом шагу встречалось много; действовать приходилось во вражеском окружении, среди чиновников, которые годами подкармливались финансовым капиталом. На VIII съезде партии (1919 г.) в отчете Центрального Комитета, характеризуя условия, в которых пришлось партии работать после Октябрьской революции, Ленин говорил: «Мы должны были сплошь и рядом идти ощупью... Мы бра-

¹ Н. К. Крупская, Воспоминания о Ленине, Госполитиздат, 1957, стр. 337.

лись за дело, за которое никто в мире в такой широте еще не брался»¹.

Революция быстро развивалась. Каждый день вносил в политическую обстановку что-то новое. В процессе борьбы большевики учились распознавать людей, работавших в старом аппарате, приобретали опыт, исправляли допускаемые ошибки; когда требовалось, меняли тактику.

В борьбе за овладение Государственным банком большевикам приходилось считаться и с тем, что дело это связано с деньгами. При всякой попытке Совнаркома получить их для своих нужд антисоветская печать поднимала шумливую кампанию, обвиняя большевиков в грабеже. Требовались сугубая осторожность, всесторонний учет обстоятельств.

Из числа большевиков, работавших в Госбанке в революционные ноябрьские дни 1917 г., в живых осталось нас двое. И мы считаем своим долгом подчеркнуть, что книга А. М. Гиндина — правдивое освещение всего того, что происходило в стенах этого учреждения и вокруг него в дни Октябрьской революции.

В книге показана огромная роль В. И. Ленина в руководстве исключительно сложным и важным делом овладения банковской системой.

Ленинскому ЦК и Совнаркому пришлось упорно и настойчиво ломать сопротивление контрреволюционных сил, прежде чем эта финансовая крепость была поставлена на службу диктатуре пролетариата. Поэтому мы считаем, что автор правильно поступает, когда показывает разнообразные формы сопротивления буржуазии в лице различных ее организаций (подпольное «Временное правительство», Петроградская городская дума, «Комитет спасения родины и революции» и др.). Автор рисует методы борьбы саботажников, пути их финансирования, вскрывает подлую роль, которую сыграли в этом деле меньшевистско-эсеровские руководители Союза Союзов, Банксоюза и Кредиттруда, тесно связанные с финансовым капиталом.

Книга рассказывает о том, как комиссары из Смольного, старые члены партии В. Р. Менжинский, В. В. Обо-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 132.

ленский, А. Е. Аксельрод, Д. М. Соловей и другие самоотверженно вели тяжелую борьбу в стенах Госбанка, как они избавлялись от активных саботажников (в чем им помогали Военно-революционный комитет и Особая следственная комиссия в Смольном), как раскалывали ряды бастующих чиновников и привлекали лучших из них к работе, как впервые в банке была основана партийная ячейка, как создавались новые профсоюзные органы.

Правильно делает также автор, когда на основании изученных документов, сопоставления различных источников, тщательной проверки дат исправляет неточности, имеющиеся в опубликованных ранее книгах, статьях, воспоминаниях.

Настоящая книга — результат кропотливой научно-исследовательской работы автора — по нашему мнению, будет представлять интерес не только для историков, экономистов и юристов, но и для широких кругов читателей, в особенности для молодежи.

Е. М. Соловей, член КПСС с 1905 г.
(бывший комиссар Отдела заграничных операций Госбанка).

Н. Ф. Стратилатова, член КПСС с 1917 г.
(бывшая работница Грифовальной Госбанка).

Наша молодежь, да и не молодежь только, а те, кто вступил в работу в более поздние годы, часто представляет себе, что дело было просто, взяли Зимний дворец, побили юнкеров, отбили наступление Керенского — вот и все. А как аппарат создавали, налаживали работу наркоматов, это интересует меньше, а между тем наши первые шаги в области управления, то, как мы учились драться за дело пролетариата в повседневной работе управления, — это имеет, конечно, особый интерес.

Н. К. Крупская

(Воспоминания о Ленине, Госполитиздат, 1957 стр. 337).

ПЕРВЫЕ ДНИ

24 октября 1917 г.¹, во вторник поздно вечером, Владимир Ильич Ленин покинул квартиру М. В. Фофановой на Сердобольской улице, где он скрывался от ищеек Керенского, и пришел в Смольный. На третьем этаже непрерывно работал Военно-революционный комитет. Ленин сразу, с головой ушел в работу по руководству восстанием.

Днем 25 октября было опубликовано написанное В. И. Лениным утром знаменитое воззвание «К гражданам России!». В нем от имени Военно-революционного комитета сообщалось, что Временное правительство низложено и государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета.

В ночь на 25 октября и весь этот день отряды красногвардейцев, революционных солдат и матросов, возглавляемые представителями Военно-революционного комитета, захватывали почту, телеграф, вокзалы, министерства, военный штаб и другие центры Петрограда. Были заняты также Главное казначейство, Экспедиция заготовления государственных бумаг и Государственный банк.

Государственный банк помещался в большом трехэтажном полукруглом здании, с обширным двором, отгороженным от улицы массивной высокой решеткой. Здание это находилось на Екатерининском канале (ныне

¹ Все даты приводятся по старому стилю.

канале им. Грибоедова) № 32¹ напротив маленького, красивого Банковского моста. Другой своей стороной оно выходило на Садовую улицу, от которой его тоже отгораживала решетка. Банк охранялся местной командой, в которую входило 125 человек. При Временном правительстве охрана банка была усилена взводом солдат Семеновского полка.

В ночь на 25 октября комиссар Военно-революционного комитета Гвардейского флотского экипажа получил от комитета предписание № 1372 за подписью председателя ВРК т. Подвойского и секретаря т. Антонова занять главную контору Государственного банка на Екатерининском канале к 6 часам утра. Предписание было выполнено точно.

В 6 часов утра к зданию банка подошел отряд моряков Гвардейского флотского экипажа (около 40 человек). Часовой у ворот при виде вооруженных матросов несколько растерялся. Разбудили взводного охраны, который быстро нашел общий язык с комиссаром Военно-революционного комитета.

Большевистский отряд матросов был впущен на территорию банка без сопротивления со стороны охраны. Моряки расставили свои караулы у входов и выходов, у кладовой, у городских телефонов и т. д. В банке установилась двойная охрана. Приходящие на работу чиновники Госбанка должны были предъявлять пропуска революционным морякам, которые тщательно их проверяли. Возникавшие инциденты улаживались с помощью солдат местной охраны, которые помогали морякам.

Днем в Экспедицию заготовления государственных бумаг пришел комиссар т. Жолнерович, а в Государственный банк — комиссар т. Морозов и назначенный исполнять обязанности первого революционного коменданта Госбанка прапорщик Голомбиевский. Последний уже был знаком с помещением банка и его охраной, так как после Февральской революции некоторое время служил здесь помощником начальника охраны.

Начальник Экспедиции заготовления государственных бумаг М. К. Лемке², несмотря на протесты чинов-

¹ В настоящее время в нем помещается Ленинградский финансово-экономический институт.

² М. К. Лемке был историком русской литературы, цензурой и революционного движения. После Февральской революции он был

ников, признал комиссара Военно-революционного комитета и в тот же день по требованию из Смольного послал туда подписку о своем полном подчинении новой власти. Заправила же Госбанка распорядились прекратить занятия. Чиновники стали собираться на летучие

678

Исполнительный Комитет
ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА
РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ
ДЕПУТАТОВ
Военный Отдел

Комиссару Военно-Рев. Флота
гв. Гвардейского экипажа

25 октября 1917 г.
26.10.17
Ис. Мещеряков

Ваше - Рев. Флота
гв. Гвард. Р. Р. и Ф. Ф. уполномоченный
заявляет всем лицам к 6
часам утра 25 октября
Государственный банк на
Екатерининском Канале
срочно
Секретарь В. В. В.

Предписание Петроградского Военно-революционного комитета комиссару Гвардейского флотского экипажа занять к 6 часам утра 25 октября Главную контору Государственного банка

митинги по отделам и обсуждать положение. К полудню начали закрываться все частные акционерные банки Петрограда.

поставлен во главе Экспедиции заготовления государственных бумаг. В 1920—1921 гг. был членом редакции журнала «Книга и революция». Умер в 1923 г. Незадолго до смерти вступил в Коммунистическую партию.

Около 3 часов дня 25 октября в Министерство финансов (Мойка, 43) пришел Вячеслав Рудольфович Менжинский — член партии с 1902 г., один из закаленных представителей ленинской гвардии. Тов. Менжинский сообщил о низвержении Временного правительства и заявил, что он, как временный комиссар Военно-революционного комитета, уполномочен заведовать этим министерством.

Чиновники министерства позвонили по телефону в Зимний дворец, где спасалось Временное правительство, и связались с министром финансов М. В. Бернацким. Министр командировал из Зимнего дворца своего заместителя А. Г. Хрущева. Явившись в министерство, последний заявил чиновникам, что Временное правительство еще не арестовано, и предложил распоряжений Менжинского не выполнять.

Так началось сопротивление финансовых чиновников Советской власти. С каждым днем оно становилось все более яростным, превращалось в злостный саботаж. Саботажниками руководили открытые и подпольные контрреволюционные центры; их тайно финансировали банкиры. Возглавляли саботаж профсоюзные центры чиновников министерств и банковских служащих. Во главе профсоюза работников Государственного банка (Банксоюз) и профсоюза служащих частных кредитных учреждений (Кредиттруд) стояли люди, тесно связанные с заправилами финансового капитала. Свое благополучие они черпали из касс банковского капитала и потому верой и правдой служили ему¹. Путем демагогических

¹ Эти люди представляли группу спевшихся между собой служащих (нередко крупных) Госбанка и частных банков меньшевистско-эсеровского толка. В каждом профсоюзе одни и те же люди занимали все руководящие посты. Это можно проследить хотя бы на примере Кредиттруда. Структура этой организации города Петрограда тогда была следующей. Совет представителей (или уполномоченных) служащих кредитных учреждений состоял из 73 делегатов от 49 банковских учреждений Петрограда, насчитывавших 7 000 служащих. Совет возглавлял президиум. Председателем президиума был активный меньшевик Л. В. Теслер (служащий Азовско-Донского банка), заместителями председателя — А. А. Блюм — ярый меньшевик (крупный служащий того же Азовско-Донского банка) и В. С. Коробков (служащий Петроградского международного коммерческого банка), членами — В. Ф. Кемпнер (Петроградский частный коммерческий банк) и др. Для контакта с банкирами при разрешении вопросов, касающихся служащих, была создана

речей, запугивания («придет новая власть, и кто не идет с нами, будет уволен»), выставляя себя как борцов за демократию против захватчиков — большевиков, тесно держа связь с меньшевистско-эсеровскими и другими контрреволюционными центрами, они продолжительное время вели за собой основную массу служащих банков и направляли ее по пути саботажа.

Банксоюз и Кредиттруд держали тесную связь с так называемым Союзом Союзов, который объединял профсоюзы всех министерств и руководил саботажем их чиновников. Во главе его стояли меньшевики, правые эсеры и кадетствующие чиновники. Инициатором создания Союза Союзов были крупные чиновники, примыкавшие к кадетам: А. М. Кондратьев, Н. И. Харьковцев, М. И. Лаппо-Старженецкий и др. Председателем был А. М. Кондратьев.

В ночь на 26 октября Зимний дворец был взят и министры буржуазного Временного правительства арестованы.

26 октября банкиры решили обеспечить всех чиновников трехмесячным содержанием при условии полного неучастия их в какой бы то ни было государственной и административной работе при Советской власти. В тот же день служащие Госбанка, Экспедиции заготовления государственных бумаг, Главного казначейства по призыву образовавшегося стачечного комитета объявили забастовку в знак протеста против появления комиссаров. Частные банки тоже весь день были закрыты. Служащие Министерства финансов также приняли предложение банкиров и вынесли решение не исполнять своих обязанностей и не передавать их представителям Советской власти¹.

В Смольном стало известно, что саботаж финансовых и банковских работников не дает возможности рабочим

смешанная комиссия, в которую входило 8 банкиров и 8 представителей от Союза (Теслер, Блюм, Коробков, Кемпнер и др.). В центральном бюро профсоюзов представителями Кредиттруда были опять-таки Теслер и Блюм.

На Всероссийском съезде служащих кредитных учреждений (28 мая — 4 июня 1917 г.) во временное правление были избраны от Петрограда те же Теслер, Коробков, Кемпнер и др., которые затем возглавили Центральное правление Всероссийского Союза.

¹ Такое же решение приняли служащие министерств: Труда, Продовольствия, Путей сообщения, Просвещения.

получить заработную плату, тормозит работу продовольственных организаций. Вечером 26 октября Военно-революционный комитет обратился ко всем служащим Экспедиции заготовления государственных бумаг и Госбанка с предложением не прерывать своих обычных занятий. «Внесение хаоса и дезорганизации в работу в революционное время, — говорилось в воззвании, — совершенно недопустимо. Всякое нарушение революционного порядка будет сурово караться»¹.

Предупреждение Военно-революционного комитета, однако, не возымело действия. 27 октября служащие Госбанка продолжали забастовку и он был снова закрыт. Руководители Госбанка во главе с управляющим И. П. Шиповым, выполняя постановление стачечного комитета, заявили Морозову, Голомбиевскому и приехавшему в Госбанк Менжинскому, что они не признают новой власти и станут выполнять свои обязанности только в том случае, если комиссары не будут вмешиваться в работу банка. Артельщикам² же, представителям фабрично-заводских комитетов, приходившим получать по чекам деньги для заработной платы рабочим, служащие банка заявляли, что комиссары якобы пришли в банк для незаконного изъятия денег на свои нужды и мешают им нормально работать. Комиссаров поддержала только часть низших служащих — курьеры, счетчики и др. В этих условиях товарищи Голомбиевский и Морозов не могли по существу контролировать деятельность служащих Госбанка.

Руководящие чиновники Госбанка были тесно связаны с Комитетом съездов представителей акционерных коммерческих банков³. По решению этого Комитета 27 октября банки открылись только на один час (с 12

¹ «Правда», № 170 (101), 9/XI (27/X) 1917 г.

² Так назывались кассиры — представители специальных артелей, которые получали деньги в банках и доставляли их на предприятия и в учреждения.

³ Комитет съездов представителей акционерных коммерческих банков помещался в большом здании на Фонтанке, 15. Он регулярно выпускал «Бюллетени». В 1917 г. он собирался часто, приблизительно два два в неделю, а в некоторые периоды (после Октябрьской революции) ежедневно и даже по два раза в день. Председателем комитета был А. И. Вышнеградский (директор-распорядитель Петроградского международного коммерческого банка). Кроме того, в Комитет входило 6 представителей разных банков.

до 1 часа дня) и производили самые простые операции. Никто об этом не знал. Представители заводов, предприятий, учреждений, приходя за деньгами, как обычно, к началу занятий, увидев двери банков закрытыми, уходили, не зная, когда же банки откроются. Рабочие многих предприятий остались без заработной платы.

Подрывная деятельность банков направлялась контрреволюционными центрами, расположенными вблизи от Госбанка (не больше 5 минут ходу) в здании Городской думы. Думу возглавляли тогда кадеты, правые эсеры и меньшевики. После ухода вечером 25 октября из Смольного, со II съезда Советов, здесь в ночь на 26 октября меньшевики и эсеры организовали контрреволюционный «Комитет спасения родины и революции». В борьбе с Советской властью Городская дума и «Комитет спасения» особенно зорко следили за Госбанком, пытаясь сделать его своим орудием и не дать большевикам поставить его на службу революции. Заправила Госбанка и руководители союзов банковских работников постоянно держали связь с контрреволюционной Городской думой. В ней в эти и последующие дни неоднократно обсуждалось положение в банке. Дума постоянно посылала в банк делегации на помощь банковским саботажникам, чтобы мешать революционным комиссарам осуществлять в нем свое руководство.

27 октября состоялось заседание Центрального правления Кредиттруда. Тов. Менжинский и председатель Военно-революционного комитета тов. Подвойский явились на заседание, чтобы объяснить необходимость открытия банков и призвать к этому служащих. Руководители Кредиттруда, проводя линию банкиров и контрреволюционных центров, не разрешили комиссарам присутствовать на заседании. Они заявили комиссарам, что чеки на заработную плату рабочим будут оплачиваться, что же касается «соображений общегосударственного характера», то Правление станет выполнять директивы только «Комитета спасения».

В субботу (день выдачи заработной платы) 28 октября банки вновь открылись только на 1 час. Так же, как и накануне, подавляющее большинство предприятий денег на заработную плату не получило.

По прямому указанию «Комитета спасения» на общем собрании служащих Госбанка 28 октября было

принято постановление: объявить забастовку и производить операции лишь для оплаты «неотложных нужд». Несогласные с этим решением счетчики ушли, заявив, что они приступят к работе.

Продержаться, не дать большевикам овладеть Госбанком, не допустить выдачи денег Советскому правительству, задерживать выдачи на заработную плату, вызывая недовольство населения Советской властью — такова была тактика банковских руководителей, направляемых «Комитетом спасения» и Городской думой. В эти дни (27 и 28 октября) «Комитет спасения» готовил восстание юнкеров, которое изнутри должно было поддерживать наступавшие на Питер казачьи части под руководством Керенского и Краснова.

В пятницу 27 октября контрреволюционные войска захватили Гатчину, 28 октября — Царское Село и бои развернулись около Пулкова, у самой столицы. Революционный Питер переживал тревожные дни. Солдаты, красногвардейцы, матросы двинулись к Пулкову для отпора войскам Керенского и Краснова. На борьбу с врагом 29 октября ушел и отряд моряков, находившийся в Госбанке и несший в нем караул. В банке осталась лишь прежняя охрана.

Начальник охраны полковник Жмакин находился в тесной связи с организаторами начавшегося в воскресенье 29 октября контрреволюционного восстания юнкеров Владимирского, Павловского и других военных училищ и готовил переход охраны на сторону юнкеров. Восстание в тот же день было подавлено, и Петроградский Военно-революционный комитет дал предписание комиссару Госбанка арестовать полковника Жмакина и проводить его в Смольный¹. Поскольку комиссар Госбанка не смог выполнить это предписание, 30 октября на заседании ВРК решение об аресте полковника Жмакина вновь было подтверждено².

¹ См. «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», 1957, изд-во Академии наук СССР, стр. 887.

² Там же, стр. 741. Поведение Жмакина, по-видимому, дало повод т. Подвойскому написать в своих воспоминаниях (журнал «Октябрь», 1957, № 5, стр. 159, 161), что 29 октября поступило донесение «Захвачен банк...» и «Кексгольмскому полку было приказано во что бы то ни стало выбить восставших из банка, который они заняли большим отрядом, поддерживаемым двумя броневиками». Если юнкера и появились в банке с двумя броневиками, то быстро

После разгрома юнкерского восстания банкиры, члены «Комитета спасения» и Городской думы, меньшевистско-эсеровские руководители Банксоюза и Кредиттруда все свои надежды возлагали еще на поход Керенского и старались всячески поддержать его.

В воскресенье 29 октября, в помещении Учетного ссудного банка Персии¹ состоялось совещание руководящих работников Министерства финансов и Госбанка. Присутствовало около 20 человек во главе с товарищами министра финансов В. В. Кузьминским, С. А. Шателеном и М. И. Фридманом². Обсуждался вопрос, как лучше организовать саботаж в Министерстве финансов, Госбанке, Главном казначействе и Экспедиции заготовления государственных бумаг³.

Утром 30 октября собрались представители правлений частных банков. Ссылаясь на крайне напряженное состояние на улицах, частую стрельбу и перерыв телефонного сообщения, а также на то обстоятельство, что чеки на Государственный банк оказались во многих случаях неоплаченными, они постановили в этот день банки не открывать⁴. Госбанк также 30 октября не работал, в нем продолжалась забастовка⁵. Таким образом, рабо-

оттуда ушли, кексгольмцев же в банке не было. Охрану там несли местная команда и семеновцы.

¹ Этот банк, помещавшийся рядом с Госбанком, был и организационно с ним тесно связан. Здесь тайно собирались руководители банковских саботажников и находился поддерживавший их финансовый центр.

² Заместители министров Временного буржуазного правительства назывались товарищами министров.

³ «Мертвецы буржуазной революции, недавние агенты царского правительства с пеной у рта говорили о произволе большевиков, ухмыляясь, пророчили им полный и немедленный провал, смаковали грядущую гибель и интересовались, поддержат ли их достаточно дружно еще недавно подчиненные им чиновники. Гадко было слушать всю эту подпольную обывательщину. Заявив, что считаю свое присутствие лишним, так как Экспедиция не примыкает к общей забастовке, а если бы и примкнула, то не остановит своего производства, я вышел на свежий воздух», — так описывает это совещание М. К. Лемке, присутствовавший на нем по приглашению М. И. Фридмана («Красная летопись», 1923, № 6, стр. 173).

⁴ «Бюллетени Комитета съездов представителей акционерных коммерческих банков», Петроград, 1917, Бюллетень № 9—10, стр. 49.

⁵ Только счетчики Отдела кредитных билетов (215 чел.) и Главной кассы (136 чел.) устроили в этот день собрание и, обсудив постановление общего собрания от 28 октября о забастовке, приняли резолюцию: «Не бастовать, а продолжать работу» (см. «Красная

чие, не получившие заработной платы в субботу, оставшиеся без денег в воскресенье, были лишены возможности получить их и в понедельник.

26 октября на II съезде Советов, когда формировалось Советское правительство, Народным комиссаром финансов был утвержден И. И. Скворцов-Степанов. Но он был членом Военно-революционного комитета в Москве и в связи с развернувшимися там ожесточенными боями за власть Советов не мог приехать в Питер. 30 октября приказом по Министерству финансов за подписью Предсовнаркома В. И. Ленина временным заместителем народного комиссара по Министерству финансов был назначен т. Менжинский¹. В Смольном, напротив приемной В. И. Ленина, там, где находилось Управление делами Совнаркома, в одном из углов комнаты № 63, появилась надпись «Народный комиссариат финансов»².

Вечером 30 октября Советское правительство вынесло постановление за подписью Ленина и Менжинского об открытии банков. В нем говорилось:

летопись», 1923, № 6, стр. 341). Электрическая станция, типография, переплетная и гараж банка работали без перерыва.

¹ «Известия», № 212, 31 октября 1917 г.

² Об организации этого Комиссариата бывший в то время управляющим делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях пишет: «Возникла необходимость организовать комиссариат финансов. В комиссары финансов был выдвинут тов. Менжинский. Его назначение состоялось поздно вечером. Тов. Менжинский был в то время чрезвычайно переутомлен работой. Для того, чтобы немедленно привести в исполнение предписание правительства, он собственноручно, с одним из товарищей, принес большой диван, поставил его около стены тут же в управлении делами. собственноручно же крупно написал на писчем листе бумаги: «Комиссариат финансов», укрепил эту надпись над диваном и лег спать на диван, мгновенно заснул, и его спокойное похрапывание разлилось по Управлению делами Совнаркома.

Владимир Ильич вышел из кабинета, и я сказал ему: — Смотрите, мы идем семимильными шагами вперед! У нас уже организован и второй комиссариат, и тут же близехонько. Позвольте Вас познакомиться с ним, — и я подвел Владимира Ильича к дивану, на котором тов. Менжинский блаженно спал.

Владимир Ильич прочел надпись, увидел спящего комиссара и стал самым добродушным образом хохотать и говорить, что это очень хорошо, что комиссары начинают с того, что подкрепляются силами, и что действительно несомненно дело наше должно двигаться вперед быстро» (В. Бонч-Бруевич, На боевых постах Февральской и Октябрьской революции, Изд-во «Федерация», 1931, изд. второе, стр. 134).

«Частные банки закрыты. Служащие и директора собираются, но дверей банков для публики не открывают. Рабочие лишены возможности получить заработанную плату, так как банки денег не выплачивают по чекам заводов и фабрик. Такое положение терпимо быть не может.

Рабочее и Крестьянское правительство предписывает открыть завтра, 31 октября, банки в обычные часы, с 10 час. утра до 2 с половиной часов дня.

В случае, если банки не будут открыты и деньги по чекам не будут выдаваться, все директора и члены правлений банков будут арестованы, во все банки будут назначены комиссары временного заместителя народного комиссара по Министерству финансов, под контролем которого и будет производиться уплата по чекам, имеющим печать подлежащего фабрично-заводского комитета.

Для обеспечения порядка во все банки будут введены достаточные воинские караулы.

Все слухи, распространяемые буржуазией, о конфискации капиталов ложны. Ничего, кроме мер, обеспечивающих интересы вкладчиков путем строжайшего учета и контроля над деятельностью банков, не предполагается»¹.

В. Р. Менжинский за своей подписью дал следующее предписание Комитету съездов банков: «Настоящим предписываю завтра, 31 октября, открыть все банки для оплаты чеков по текущим счетам торгово-промышленных предприятий. Неисполнение означенного приказа повлечет за собой самую строгую революционную ответственность»².

В тот же день т. Менжинский передал для опубликования в печати приказ по Министерству финансов, в котором обращалось внимание жителей Петрограда на то, что «...служащие казначейств и сберегательных касс, пренебрегая интересами бедноты и широких кругов населения, расстраивают работу банков»³.

¹ «Декреты Советской власти», т. I, Госполитиздат, 1957, стр. 30—31.

² ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 1, д. 25, л. 57.

³ «Известия», № 212, 31 октября 1917 г. В то время во многих случаях, особенно когда дело касалось увольнения чиновников, назначения новых людей и тому подобные приказы (так же, как и

«Забастовка чиновников, — указывалось в приказе, — недопустима. Во всех учреждениях Министерства финансов завтра, 31 октября, занятия должны производиться в обычное время. Если в каких-либо учреждениях Министерства финансов забастовка будет продолжаться, начальники этих учреждений будут немедленно арестованы»¹.

В Государственный банк 30 октября Совнарком направил предписание, в котором предлагалось открыть текущий счет в Петроградской конторе Государственного банка на имя Совета Народных Комиссаров. В предписании указывалось, что выдачи по данному счету должны производиться по требованиям Председателя Совета Народных Комиссаров или временного заместителя народного комиссара по Министерству финансов. Тут же были образцы подписей В. Ульянова и В. Менжинского.

Однако банковские саботажники и их политические руководители не унимались. Ожидая прихода войск Керенского, они демонстративно игнорировали приказы Советского правительства, открыто призывали не подчиняться ему, угрожали расправой с низшими служащими, которые выступали за признание власти народных комиссаров. Центральное правление союза служащих кредитных учреждений в ответ на решение Советского правительства вынесло 31 октября постановление, в котором нагло заявило, что «всякое активное вмешательство в настоящее время представителей В. Р. Комитета во

в других министерствах) издавались «По Министерству финансов», «По Госбанку», причем, помимо наркома, первым их часто подписывал Председатель Совнаркома В. Ульянов (Ленин).

Этот приказ в подлиннике тоже имел подпись В. И. Ленина (см. «Декреты Советской власти», т. I, Госполитиздат, 1957, стр. 31).

¹ Обстановка, в которой писались эти предписания и приказ, очень ярко показана Джоном Ридом в рассказе о беседе, которую он вел в этот день, 30 октября, вечером с тов. Менжинским: «Без денег, — сказал Менжинский, — мы совершенно беспомощны. Необходимо платить жалование железнодорожникам, почтовым и телеграфным служащим... Банки закрыты; главный ключ положения — Государственный банк тоже не работает. Банковские служащие по всей России подкуплены и прекратили работу... Что до частных банков, то только что издан декрет, приказывающий им открыться завтра же, или мы откроем их сами!» («Десять дней, которые потрясли мир», Госполитиздат, 1957, стр. 180).

внутреннюю жизнь кредитных учреждений и появление в них комиссаров и военных патрулей автоматически вызывает немедленную забастовку всех служащих»¹.

В Государственный банк комиссар и охрана допускали 31 октября только тех, кто должен был получать деньги по чекам для расчетов с рабочими и служащими. Однако саботажники банка отказывались выдавать деньги на заработную плату, ссылаясь на забастовку, в то же время снабжали деньгами проникавших в банк представителей подпольного «Временного правительства». На протесты представителя железнодорожников, которому деньги на заработную плату они в этот день не выдали, саботажники отвечали: «обратитесь в Смольный», пытаясь тем самым противопоставить представителей рабочих Советскому правительству. Главное казначейство не работало. Частные банки под угрозой ареста их руководителей открылись 31 октября всего на один час.

Вечером 31 октября на заседании Петроградского Совета т. Менжинский сообщил депутатам о положении в банках. Характерно, что в эти напряженные дни, когда под Пулковым шли решающие бои за революцию, Петроградский Совет обсуждал и вопрос о положении в банках, — настолько он волновал рабочих. Тов. Менжинский рассказал о том, какие трудности создает саботаж банковских чиновников и сообщил, что после вчерашнего постановления Совнаркома частные банки открыли сегодня в течение часа свои двери. Выступление Менжинского 1 ноября было опубликовано в печати.

Отказываясь подчиниться постановлениям Советской власти, руководители банковских саботажников не знали о провале наступления Керенского. События развивались с огромной быстротой. 31 октября революционные матросы и красногвардейцы выгнали казаков из Царского Села, а вожак балтийцев Дыбенко вдвоем с матросом Трушиным в час ночи на 1 ноября поехал с прибывшей делегацией от казаков в Гатчину для переговоров. К утру казаки дали согласие прекратить борьбу и арестовать Керенского, который вместе с Красновым находился в соседнем Гатчинском дворце. Днем 1 ноября

¹ Опубликовано оно было на следующий день в меньшевистской газете «Новая жизнь», № 169, 1(14) ноября 1917 г.

Керенский тайком сбежал из Гатчины, к вечеру Краснов был арестован, отправлен в Смольный, а затем отпущен на свободу под честное слово.

Не зная обо всем этом, банковские саботажники в ответ на выступление т. Менжинского на заседании Петроградского Совета решили еще раз заявить о непризнании власти Совнаркома. Рано утром 1 ноября Центральное правление Кредиттруда, собравшись в своей резиденции (Невский, 46, квартира 19, в здании, где помещался Московский купеческий банк), вынесло решение: в контакте со стачечным комитетом служащих Госбанка прекратить 1 ноября всякие операции и занятия служащих во всех частных кредитных учреждениях Петрограда в виде протеста против постановления Советского правительства об открытии банков. Вместе с тем было признано необходимым, чтобы, «по просьбе Министерства финансов и директора Государственного банка», эти учреждения со 2 ноября работали как обычно¹. Такая внешне противоречивая позиция полностью соответствовала директивам, полученным от руководителей банковского саботажа.

Верхушка частных акционерных банков (члены правлений, советов и т. п.) стремилась придержать свою наличность с тем, чтобы обеспечить себя деньгами и иметь средства для поддержки саботажников. Новых поступлений денег от клиентов не было, Госбанк денежных подкреплений частным банкам не давал. Если же частные банки выписывали своим клиентам — фабрикантам, торговцам и т. п. — чеки на Госбанк, то комиссар и охрана банка таких клиентов даже в банк не пускали, если не было доказательств, что деньги необходимы для выплаты заработной платы или на другие важнейшие нужды.

31 октября руководители частных банков узнали, что в Госбанк будут допускаться для получения денег только люди с чеками, на которых будет пометка, что деньги идут для фабрично-заводских предприятий или продовольственных организаций. Собравшись утром на свое совещание (а собирались они каждый день, чтобы намечать линию поведения), они в своем решении зая-

¹ ГАОР и ССЛО, ф. 5001, оп. 2, д. 2, л. 31. Постановление это было опубликовано 2 ноября в газете «Новая жизнь».

вили, что «частные банки не могут делать одни выплаты, а от других воздерживаться, и следует либо открыть банки с оплатой всех чеков, или вовсе их не открывать»¹. Было постановлено уменьшить выдачи наличными на каждого клиента до 3000 руб., а большие суммы выдавать чеками на Госбанк. Утром 1 ноября совещание банкиров приняло решение банки не открывать, причем не только в силу объявленной забастовки, но и потому, что «выяснилось, что фактически Госбанк был закрыт 31 октября, что стража не допускает артельщиков и публику в Госбанк, что чеки на Госбанк не оплачиваются»².

Таким образом, закрывая двери своих банков для клиентов, банкиры стремились сохранить в своем распоряжении денежную наличность и оказать нажим на комиссаров Госбанка, на Советское правительство. Они добивались полной свободы действий, возможности «нормально» получать по любым чекам столько денег, сколько их имеется на текущих счетах банкиров в Госбанке. По поручению совещания Комитет банкиров обратился к управляющему Госбанком с указанием, что если чеки банков беспрепятственно не будут оплачиваться, то банки закроются и тем самым вся ответственность за последствия ляжет на Госбанк.

Стремясь выкачать деньги из Госбанка, банковские заправилы были заинтересованы в том, чтобы двери Госбанка были открыты, чтобы Госбанк работал.

Сотни всяких промышленников, торговцев, артельщиков из частных банков, комиссионеров, агентов различных фирм толпились у решетки Госбанка, стараясь прорваться во двор с чеками на Госбанк, выдаваемыми частными банками. Шум, гам, крики, антисоветские лозунги, но комиссар и караул самоотверженно сдерживали этот напор. Местная команда охраны 29 октября после ухода моряков избрала комитет, который взял на себя не только охрану кладовых с ценностями, но помогал комиссарам и новому коменданту наводить революционный порядок³.

¹ «Бюллетени Комитета съездов представителей акционерных коммерческих банков», Петроград, 1917, бюлл. № 9—10, стр. 49.

² Там же.

³ Правда, начальник охраны (после отстранения Жмакина), бывший помощник Жмакина, левый эсер штабс-капитан Кудрявцев

Комиссар, комендант и члены комитета команды у решетки банка тысячу раз повторяли людям из этой разношерстной толпы: «Получайте деньги в своих банках, Госбанк выдает деньги только на заработную плату рабочим и служащим». Так они охраняли народное достояние от капиталистов и спекулянтов в первые дни революции.

Удовлетворяя «просьбу Министерства финансов и директора Государственного банка», руководители банковского саботажа надеялись на то, что им удастся выкачать из Госбанка и государственной казны средства в интересах контрреволюции, пока первые представители Советской власти еще полностью не овладели их аппаратом и не имели возможности строго контролировать направление и использование денежных сумм. При этом саботажники учитывали, что как в Госбанке, так и в Министерстве финансов на руководящих постах оставались еще многие старые чиновники. В Госбанке орудовали прежние управляющий И. Шипов, его заместители А. Цакони и А. Голубев, а также директора разных отделов (Б. Икорников, Г. Пржигодский, Я. Вестфаль и др.). В Министерстве финансов на своих постах оставались товарищи (т. е. заместители) арестованного бывшего министра финансов Временного буржуазного правительства М. В. Бернацкого, А. Г. Хрущев, М. И. Фридман, С. А. Шателен, В. В. Кузьминский и прежние директора разных канцелярий. Эти чиновники не признавали Совнарком, игнорировали приказы Менжинского, хотя ежедневно приходили «на службу». В Министерстве финансов они совещались о линии своего поведения и оформляли финансовые документы на Главное казначейство и Госбанк. А их сообщники в этих учреждениях проводили документы по книгам, как законные, и делали все возможное, чтобы выплачивать по ним деньги.

1 ноября частные банки были закрыты. В этот же день состоялось собрание служащих Госбанка и заседания внесли колебания в ряды команды. Он был настроен против большевиков, находился в связи с представителями контрреволюционной Городской думы и полковым комитетом Семеновского полка, отряд которого также держал охрану банка. А полковой комитет был под влиянием правых эсеров и меньшевиков. Кудрявцев был отстранен только в 1918 г., когда окончательно вскрылось его политическое лицо.

ние профсоюзного центра — Совета уполномоченных. Было решено со 2 ноября начать занятия, но при этом поддержать постановление Центрального правления Кредиттруда от 31 октября о том, что в случае активного вмешательства комиссаров во внутреннюю жизнь кредитных учреждений должна быть объявлена забастовка всех служащих.

ПРАВИТЕЛЬСТВУ НУЖНЫ ДЕНЬГИ

Истекли семь дней после победы Великой Октябрьской социалистической революции, после создания Советского правительства. Прошли напряженные дни подавления юнкерского мятежа и разгрома войск Керенского и Краснова, наступавших на Питер. В Москве добивали остатки сил контрреволюции. Совету Народных Комиссаров требовались деньги, но ни одной копейки из банка и казначейства он не мог получить.

В эти трудные дни Центральный Комитет партии большевиков и Совнарком не имели возможности заняться подбором кадров, более или менее подготовленных для быстрого овладения всем сложным аппаратом Госбанка. Народный комиссариат финансов состоял по существу из одного т. Менжинского.

В ответ на первую попытку большевиков (предписание Совнаркома от 30 октября об открытии на его имя текущего счета) получить деньги для нужд Советского правительства буржуазная и меньшевистско-эсеровская печать подняла шум, клеветнически обвиняя большевиков в том, что они якобы хотят ограбить Госбанк. Комиссару банка Морозову, рассказывавшему на заседании Петроградского Совета 2 ноября о положении в банке, пришлось опровергать клеветнические слухи о том, что народные комиссары взяли из банка миллион рублей для собственных нужд.

Чиновники Министерства финансов, Госбанка не оформляли никаких документов Советского правительства. Чтобы заставить их выполнять распоряжения Советской власти, были предприняты меры воздействия на руководителей Министерства финансов и Госбанка: предписания, уговоры, угрозы ареста. Не поставив Госбанк на службу новой власти, нельзя было осуществлять основные мероприятия по социалистическому

преобразованию страны, нельзя было руководить хозяйством. В Совнаркоме и комиссариатах не было средств, нечем было платить служащим, начавшим работать в новых советских аппаратах.

4 ноября из Министерства финансов в Смольный были доставлены 5 руководящих работников Министерства: три товарища министра — М. И. Фридман, С. А. Шателен и В. В. Кузьминский, директор департамента Государственного казначейства Г. Д. Дементьев и директор Кредитной канцелярии К. С. Замен. Их привели в комнату № 63, где помещались Управление делами Совнаркома и Народный комиссариат финансов. Менжинский потребовал от них оформить выдачу денег для нужд правительства. Однако все три товарища министра отказались это сделать.

После этого Менжинский попытался воздействовать на управляющего Госбанком И. П. Шипова, чтобы заставить его оформить деньги для Советского правительства. В тот же день 4 ноября Шипова арестовали и привезли в Смольный. Но он также отказался выдать деньги, сославшись на формальную сторону: Госбанк такие ассигновки не оформляет, правительство должно получать деньги по ассигновкам Министерства финансов через Главное казначейство.

Меньшевики и эсеры по поводу этих мер подняли шум и где только могли обвиняли большевиков в насилии, в красногвардейском подходе при решении финансовых вопросов. Контрреволюционные газеты писали, что «захватчики» и «насильники» большевики мучают арестованных в сырых подвалах Смольного. О том, что в действительности означали эти «аресты» говорят воспоминания секретаря Совнаркома т. Горбунова, который пишет про арестованного Шипова, что «ночевал он в одной комнате с т. Менжинским и мною. Днем эта комната превращалась в канцелярию какого-то учреждения (не Наркомфина ли?). Мне пришлось, к моей досаде, в виде особой вежливости... уступить ему свою койку и спать на стульях»¹.

¹ «Правда», № 255 (3787), 6—7 ноября 1927 г. В комнате, о которой пишет т. Горбунов, помещались Управление делами Совнаркома и Комиссариат финансов.

Эти первые попытки со стороны Советского правительства воздействовать на руководителей Министерства финансов и Госбанка для получения средств на нужды Совнаркома вызвали во всех контрреволюционных центрах большие волнения. Какую им избрать тактику для дальнейшей борьбы? Как сделать так, чтобы деньги из Госбанка не попали Советскому правительству? Прекратить совсем работу в Министерстве финансов и в Госбанке? Но тогда они и сами не сумеют на «законном основании» выкачивать из банка деньги для своих нужд.

Линия поведения была намечена в «Комитете спасения» и Союзе Союзов и вечером 4 ноября принята на собрании служащих Министерства финансов и Госбанка. Было решено «в знак протеста» прекратить занятия впредь до «воссоздания власти, пользующейся всенародным признанием». Вместе с тем было постановлено, что отдельные учреждения министерства (Госбанк, сберегательные кассы, казначейства) будут продолжать действовать лишь для удовлетворения неотложных нужд армии и населения при условии, что со стороны «захватчиков» власти не будет никакого вмешательства. В решении указывалось, что служащие Министерства финансов и Госбанка не желают быть участниками в расхищении народного достояния и не подчинятся давлению «захватчиков». При попытках насилия над кем-либо из чиновников они немедленно прекратят работу, возлагая заранее всю ответственность за могущие произойти потрясения на лиц, производящих покушение на средства народа. Это решение опубликовано в газете «День»¹.

Меньшевистско-эсеровский исполнительный комитет Совета крестьянских депутатов (старого созыва) 5 ноября принял резолюцию, в которой «от имени крестьянства» призывал воинские части оказывать сопротивление Совнаркому, если он попытается «посягнуть на государственную казну».

Городская дума утром 6 ноября постановила образовать под председательством городского головы комис-

¹ «День», № 201, 7 ноября 1917 г. Эта газета, именовавшая себя «органом социалистической мысли», была верной прислужницей капитала. Издавалась группой меньшевиков-оборонцев при ближайшем участии С. С. Загорского, Ст. Ивановича, П. П. Маслова, А. Н. Потресова и др.

сию из 20 гласных для охраны имущества и ценностей, находящихся в Госбанке, и обратиться с воззванием к войскам гарнизона охранять Госбанк во избежание неисчислимых бедствий, которые грозят экономической жизни страны, если Госбанк будет расхищен. Об этом сообщила газета «Новая жизнь» 7 ноября.

Так центры контрреволюции и антисоветская печать создавали шумиху, вели агитацию среди гарнизона, пускали слухи о том, что банк якобы надо защищать от грабежа большевиков. Им удалось повлиять на некоторые отсталые массы гарнизона, в частности на солдат Семеновского полка, охранявших Госбанк, и создавать в дальнейшем, как мы увидим, дополнительные трудности для Советского правительства при его попытках получить деньги на свои нужды.

Распоясаться эсеро-меньшевикам помогли в эти дни действия штрейкбрехеров революции Каменева и Зиновьева, а также позиция Рыкова, Милютина и Ногина, вышедших из состава ЦК. 4 ноября на заседании ВЦИК Ногин, Рыков, Милютин и Теодорович сложили с себя звание народных комиссаров. Они предлагали капитулировать перед свергнутыми контрреволюционными партиями эсеров и меньшевиков и создать «однородное социалистическое правительство».

Ленину пришлось в эти дни вести большую работу, сплачивая партийные силы вокруг большевистского Центрального Комитета, разъясняя пагубность линии отступников от революции. 7 ноября в «Правде» появилось написанное В. И. Лениным обращение «От Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков). Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России». В этом обращении разоблачалось дезертирство Каменева, Зиновьева и других, говорилось о том, что наша партия стоит дружно и твердо, как один человек, на страже Советской власти. Ленин призывал не верить лжи буржуазии, которая злорадствует и кричит о развале.

В согласованной контрреволюционной деятельности, направленной на срыв мероприятий Советской власти, чувствовалось воздействие какого-то единого распорядительного центра. Таким центром был подпольный «Совет министров».

АНТИСОВЕТСКОЕ СБОРИЩЕ В КВАРТИРЕ НА БАСЕЙНОЙ

Басейная улица, недалеко от Смольного. Здесь в пятиэтажном доме № 39 на углу Преображенской улицы жил А. А. Демьянов, товарищ министра юстиции Временного правительства. Незадолго до Октябрьской революции он был утвержден председателем Малого совета министров. Через несколько дней после того, как т. Антонов-Овсеев отправил министров из занятого революционным народом Зимнего дворца в Петропавловскую крепость, в квартире Демьянова стали собираться люди. То были товарищи арестованных министров, которых он пригласил для обсуждения политического положения. Подпольные заседания в этой квартире происходили ежедневно с 1 до 4 час.¹ Вначале на нем присутствовали только товарищи министров, а вскоре и министры, после их освобождения из крепости². Посещали эти заседания активные деятели кадетской партии: В. Д. Набоков, Л. М. Брамсон, Н. В. Некрасов, князь Шаховской и др. Бывали здесь Е. Д. Кукова и один из меньшевистских лидеров И. Г. Церетели. Чтобы не мешать подпольной деятельности правительства, Керенский прислал свой отказ от звания председателя, и председателем стал министр продовольствия С. Н. Прокопович.

Этот подпольный «Совет министров» был тесно связан с Городской думой, с «Комитетом спасения», с Союзом Союзов. На его заседаниях обсуждались разные вопросы: Н. Н. Авинов докладывал о деятельности Всероссийской комиссии по выборам в Учредительное собрание; меньшевик Гуревич — о слиянии съезда крестьянских депутатов с Советом рабочих и солдатских депутатов; особоуполномоченный комиссар Временного правительства Орлов — о положении в Донецком бассейне. Но центральное внимание «Совет министров» уделял

¹ Все сведения о работе подпольного «Временного правительства» взяты из статей: М. Флеев, Временное правительство после Октября, «Красный архив», 1924, т. 6, и А. Демьянов, Записки о подпольном Временном правительстве («Архив русской революции», Берлин, 1922, т. VII).

² Все министры-социалисты к 28 октября были освобождены.

организации саботажа чиновников министерств и финансовым вопросам.

На одном из первых заседаний этого подпольного органа контрреволюции шел разговор об отношении чиновников министерств к советским комиссарам. Представители Союза Союзов доложили свою программу действий в области саботажа, которая была одобрена. Решено было не давать комиссарам ключей ни от дел, ни от денежных ящиков. В дальнейшем представители различных министерств регулярно докладывали Совету о ходе саботажа по своему министерству.

Почти каждое заседание на Бассейной улице начиналось с доклада товарища министра финансов Фридмана о положении дел в Госбанке. Руководители Госбанка и Главного казначейства держали с ним тесную связь и выполняли все распоряжения по денежным ассигновкам, утвержденным «Советом министров». Фридман точно знал о наличии денежных знаков в Госбанке и Казначействе и соответственно этому действовал. Чтобы обеспечить бесперебойное снабжение деньгами нужды контрреволюции, «Совет министров» по предложению Фридмана принял 2 ноября решение об увеличении эмиссионного права Госбанка на 1 млрд. руб. Все эти финансовые и другие постановления фиксировались в письменной форме. Канцелярскую работу вели на квартире у Демьянова бывшие служащие старого Совета министров. 7 ноября Фридман докладывал подпольному «Временному правительству», что в Госбанке наличными имелось 40 млн. руб. Все они этим «правительством» были выкачаны. Расхищались средства и из Главного казначейства¹.

Это подпольное собрание контрреволюционеров до последней минуты судорожно цеплялось за Госбанк и Главное казначейство, принимая все меры к тому, чтобы сохранить их в своих руках. Вот почему меньшевистско-эсеровские руководители Союза Союзов, Банкоюза, Кредиттруда при проведении общей забастовки всегда удовлетворяли просьбы руководителей Министерства фи-

¹ На заседание «Совета министров» приезжали и «представители с мест», которым также отпускались средства. Так, например, постановили перевести в Туркестан 1 млн. руб. серебра, Особому совещанию по топливу было отпущено 10 млн. руб. и т. д.

нансов, Госбанка, а заодно и Министерства продовольствия о разрешении работать в них части чиновников «для удовлетворения нужд населения». Однако их интересовали не нужды населения: это было только прикрытием. Они выполняли волю подпольного контрреволюционного центра и помогали ему выкачивать народные деньги из Госбанка.

РАЗВЕДКА ТОВАРИЩА МЕНЖИНСКОГО

Не добившись результатов в переговорах 4 ноября с товарищами министра и Шиповым об оформлении выдачи денег для нужд Совнаркома, т. Менжинский сделал попытку получить деньги непосредственно в Госбанке. В понедельник 6 ноября к концу дня он предъявил руководителям банка письменное требование от имени Советского правительства о выдаче 10 млн. руб. ему, заместителю народного комиссара по Министерству финансов В. Р. Менжинскому, в фонд Совета Народных Комиссаров на экстраординарные расходы. Он потребовал, чтобы эта сумма была переведена на текущий счет Совета Народных Комиссаров, который необходимо открыть в Государственном банке.

Руководители Госбанка принялись доказывать, как это делал Шипов в Смольном, что Совнарком не юридическое лицо, что такие ассигновки нужно оформлять через Главное казначейство и т. п. Тогда от имени Военно-революционного комитета Менжинский попросил собрать служащих и решил обратиться к ним за содействием.

Руководители саботажа заволновались. Кассир дал тревожный звонок, который дается в случае нападения грабителей на кассу. Прибежали охранявшие банк солдаты Семеновского полка и местной команды, пришли рабочие Экспедиции заготовления государственных бумаг. Саботажники послали гонца в Городскую думу. Прибежавший в думу чиновник, запыхавшись, сообщил, что в Госбанке находится советский комиссар, который хочет взломать его хранилище. Председатель думы Исаев и несколько гласных тотчас же отправились в банк.

На собрании служащих т. Менжинский разъяснил, что правительству необходимы средства для общегосу-

дарственных целей, что нуждается в средствах и ЦИК — орган, избранный съездом Советов, что Советское правительство будет отчитываться перед народом в расходовании денег и отчеты будут печататься в газетах.

Исаев не замедлил тут же выразить протест от имени думы. Он демагогически призывал охрану и рабочих не допускать расхищения денег Госбанка. Покушение на неприкосновенность банка, говорил он, приведет к полному обесценению рубля. Выступил также один меньшевистски настроенный рабочий. Ссылаясь на поведение Каменева и Зиновьева, он заявил, что среди самих большевиков происходит раскол, у власти находится небольшая группа лиц и денег давать нельзя. Сбитые с толку представители охраны тоже возражали против выдачи денег.

Менжинский разоблачил контрреволюционную деятельность Городской думы и отверг протест Исаева, но, учитывая настроение массы, сказал, что против воли рабочих и солдат он не пойдет и никаких насильственных изъятий средств производить не будет.

Вечером после ухода Менжинского Совет Государственного банка под председательством Шипова¹ вынес следующее решение: «Заслушав предъявленное Советом Народных Комиссаров, в письменной форме, требование от 6 сего ноября за № 70² о выдаче Совету на экстраординарные расходы десяти миллионов рублей в порядке реквизиции и о зачислении этой суммы на текущий счет на имя Совета Народных Комиссаров, причем Заместителем народного комиссара по Министерству финансов В. Р. Менжинским было пояснено, что, в случае отказа в исполнении настоящего требования со сто-

¹ Шипов 5 ноября был освобожден из-под ареста.

² Номер был не 70, а 37, что видно из документов ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 1, д. 56, л. 14 (об.), и д. 25, л. 54.

Е. М. Городецкий в статье «Из истории Петроградского Военно-революционного комитета» сборника «Из истории Великой Октябрьской социалистической революции» (изд. Московского университета, 1957, стр. 21) пишет: «Нам не удалось найти предписания Совнаркома Государственному банку... Установление точной даты предписания СНК Госбанку имеет важное значение».

Описание посещения т. Менжинским Госбанка 6 ноября в газ. «Новая жизнь» (№ 175, 8 ноября) не оставляет никакого сомнения в том, что этот документ был предъявлен т. Менжинским 6 ноября и в тот же день вечером обсуждался Советом Госбанка.

роны Совета банка, сумма эта будет взята путем взлома кассы силою, — Совет Государственного банка единогласно постановил: требование о выдаче каких-либо сумм Совету Народных Комиссаров, как не основанное на законе, Совет не считает себя в праве удовлетворить; равным образом Совет не находит возможным открыть текущий счет на имя Совета Народных Комиссаров, как учреждения, не пользующегося правами юридического лица. Вместе с тем Совет Государственного банка считает своим долгом протестовать против предъявления к Государственному банку требования о выдаче части вверенных банку народных средств в порядке реквизиции с угрозой взлома кладовых банка»¹.

На Бассейной улице Фридман сделал 7 ноября доклад «О попытке захватить Государственный банк». Подпольное «Временное правительство» с удовлетворением восприняло неудачу т. Менжинского и постановило: «Принять доклад к сведению». Однако оно почувствовало, что большевики стали действовать более активно и что надо спешить с выкачиванием денег. На том же заседании было решено отпустить городскому общественному управлению (думе) 7¹/₂ млн. руб. якобы «на закупку дров для надобностей городских предприятий». Так один контрреволюционный центр, распоряжавшийся финансами, отблагодарил другой за его активную антисоветскую деятельность. Так расхищали народные средства те, кто кричал о необходимости их охранять.

Приход Менжинского в Госбанк 6 ноября был своего рода разведкой во вражеском стане. Становилось ясно, что одними уговорами и даже угрозами делу не поможешь. Большевики убеждались, насколько прав был Ленин, когда 4 ноября на заседании Петроградского Совета говорил: «Наш недостаток в том, что советская организация еще не научилась управлять, мы слишком много митингуем»².

Разведка Менжинского показала, что для овладения Госбанком и управления им нужны иные меры. В сложившейся обстановке возникла необходимость при помощи вооруженной силы Петроградского гарнизона заставить чиновников Госбанка подчиниться воле проле-

¹ «Красная летопись», 1926, № 2 (17), стр. 45.

² В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 261.

тарской власти. Но в руководство этой операцией вмешался Троцкий и сорвал все дело.

Утром 7 ноября в Смольном было созвано гарнизонное собрание, на котором обсуждалось положение в Госбанке. По предложению Троцкого было решено выделить от каждой части отряд и с музыкой организовать перед банком демонстрацию представителей воинских частей, подчеркнув этим, что гарнизон поддерживает Советское правительство в его требованиях. Один из офицеров был уполномочен предложить директорам банка выдать 10 млн. руб. для Совнаркома. В случае отказа заправилы банка должны быть арестованы, а ключи от касс взяты силой.

Проведение этой операции Троцкий возложил на главнокомандующего по обороне Петрограда подполковника Муравьева¹. Командовать сводным отрядом «для вскрытия Государственного банка» Муравьев назначил штабс-капитана Миронова². Узнав о предстоящем приходе отряда, саботажники успели разослать гонцов за помощью во все контрреволюционные центры. Вскоре в банк прибыли делегации из Городской думы, Исполкома Совета крестьянских депутатов, Банксоюза, Союза Союзов и других организаций.

Примерно около 3 часов дня послышались звуки оркестра: по Екатерининскому каналу со стороны Невского к банку подходил вооруженный отряд солдат, матросов, красногвардейцев. За ним двигались два гру-

¹ М. А. Муравьев — правая рука Троцкого в операции по получению денег из банка — в этот же день 7 ноября в «Известиях» поместил извещение, что он согласно постановлению организации левых эсеров об отзывании с ответственных постов членов своей партии, подчиняясь партийной дисциплине, слагает с себя обязанности главнокомандующего по обороне Петрограда. 8 ноября постановлением Советского правительства он был смещен и на его место назначен В. А. Антонов-Овсеенко. В июле 1918 г. Муравьев был убит в Симбирске (Ульяновске), когда пытался поднять мятеж против Советской власти.

² «День», № 202, 8 ноября 1917 г. В этом документе пропущено слово «кассы». Возможно, что банковская газета «День» это сделала нарочно, чтобы показать нелепость документа, исходящего от ВРК. В своем докладе Миронов писал, что «назначался начальником отряда при вскрытии кассы Государственного банка». Служащим он говорил: «Я не отступлю и не остановлюсь перед вскрытием кассы банка» (ЦГАОР и СС, ф. 1236, оп. 1, д. 28, л. 18).

Миронов был комиссаром для особых поручений при штабе Муравьева.

зовика с вооруженными солдатами. Кроме Миронова, во главе отряда шли представители ряда полковых комитетов войск Петроградского гарнизона. Пока они выстраивались у решетки ограды, к банку подъехал подполковник Муравьев. К нему подошел штабс-капитан Кудрявцев и попросил не допускать отряд за решетку банка, так как это нарушает порядок, заведенный для охраны. Воинственный пыл Муравьева сразу же стал остывать: он согласился с Кудрявцевым и в здание вошли только представители полковых комитетов.

В помещении банка перед собравшимися Мионов зачитал заготовленное обращение¹ и передал его Цакони для выполнения. Тот стал энергично возражать, заявляя, что это не официальный документ, а скорее воззвание, что на нем нет даже подписи. Чтобы выйти из положения, тов. Менжинскому пришлось тут же подписать его.

Начались выступления. Член Исполкома Совета крестьянских депутатов, одетый в солдатскую форму, зачитал постановление Исполкома от 5 ноября и с пафосом заявил, что, выполняя это постановление, он не уйдет с места и не допустит расхищения денег. Протестовали и гласные Городской думы. Представители полковых комитетов стали обмениваться мнениями: как быть? Отдельные из них заявили, что, если бы знали раньше, что на получение денег нет даже постановления

¹ Это крикливое обращение (в основу которого была положена речь Троцкого на гарнизонном совещании) было опубликовано 8 ноября в газете «День», № 202; оно имеется также в ЦГАОР и СС, ф. 1236, оп. 1, ед. хр. 12, л. 184.

Неправы составители сборника «Донесения комиссаров петроградского ВРК» (Госполитиздат, Москва, 1957), которые это обращение датируют 10 ноября и помещают под заголовком «Обращение комиссара Государственного банка В. В. Оболенского к служащим Госбанка, рабочим и солдатам о немедленном возобновлении работы и выдаче денег Совету Народных Комиссаров» (стр. 302). Никакого отношения к этому документу Оболенский не имел, он впервые появился в Госбанке 14 ноября. На стр. 67 составители сборника пишут: «В. В. Оболенский назначен комиссаром ВРК в конце октября 1917 г.». Это также неправильно. В. В. Оболенский никогда комиссаром ВРК не был, а комиссаром Госбанка со всеми правами управляющего назначен постановлением Совнаркома от 13 ноября.

Без должной критической оценки к этому обращению подошла и М. С. Атлас — автор книги «Национализация банков в СССР», Госфиниздат, 1948.

Совнаркома, они не приняли бы участия в этой демонстрации. Этих взглядов придерживался и находившийся в банке председатель полкового комитета Волынского полка А. Хохряков. Муравьев сразу же сдал все позиции. Он сказал, что произошло недоразумение, что он поедет в Смольный для выяснения этого вопроса и с ответом придет через час. Взяв с собой Хохрякова, Муравьев уехал в Смольный¹.

Вернувшись в Госбанк, Муравьев заявил, что он распорядился отвести вооруженный отряд, поскольку требование Совнаркома о 10 миллионах юридически не мотивировано и нет указаний, для какой цели берутся деньги, кто их будет контролировать. В таком же плане выступил и Хохряков. Свою речь он закончил словами: «Государственные дела таким порядком не делаются. Как председатель полкового комитета я жалею о случившемся»².

Таким образом, вся эта операция, проводившаяся под руководством Троцкого, не дала никаких положительных результатов. Организована она была наспех, без должной подготовки и рассчитывала только на внешний эффект. Вместо предъявления руководителям банка хотя бы элементарно оформленного документа на получение денег, в банке от имени Совнаркома зачитывалось крикливо написанное обращение с призывом «к гражданину директору», «гражданину главному кассиру» и другим выдать деньги для нужд правительства. Вопреки указанию Ленина, Троцкий превратил эту вооруженную демонстрацию в сплошное митингование, причем руководство им поручил левому эсеру Муравьеву, который в этот день открыто выразил свое несогласие с политической линией ленинского руководства.

«Этот «парад», — писал в своих воспоминаниях В. В. Оболенский (Н. Осинский), — привел только

¹ В своей работе «Из истории Петроградского военно-революционного комитета» Е. М. Городецкий, описывая эту демонстрацию, неправильно указывает, что «комиссар ВРК (т. е. Миронов. — А. Г.) вместе с представителями Волынского полка отправились в Совет Народных Комиссаров». В Смольный отправились только Муравьев и Хохряков. См. об этом воспоминания Хохрякова («Красная летопись», 1926, № 2(17) и доклад Миронова (ЦГАОР и СС, ф. 123б, оп. 1, д. 28, л. 18).

² «Новая жизнь», № 175, 8 ноября 1917 г.

к тому, что даже низшие служащие и банковский караул, поддерживавшие Советскую власть, выступили с протестом, боясь, что банк будет разграблен»¹.

НАСТУПЛЕНИЕ

Неудачную демонстрацию у ворот банка злорадно восприняла антисоветская печать. Газета «День» все это событие подала под крикливым заголовком «Нападение на Государственный банк». В Городской думе гласные В. Чихачев и Н. Брянский, бывшие 7 ноября в Госбанке, в своих докладах подчеркивали плохое знание комиссарами Военно-революционного комитета порядка оформления денежных документов. Дума постановила: продолжать работу по защите государственного достояния от незаконных захватов и, в частности, принять меры к охране Главного казначейства (в этом отразилась боязнь, как бы большевики не попытались получить деньги путем оформления документов через Главное казначейство).

События 7 ноября обсуждались и в подпольном «правительстве» на Бассейной улице. 10 ноября товарищи

¹ Н. Оси́нский, Как мы овладели Государственным банком, «Экономическая жизнь», № 1, 6 ноября 1918 г.

Исказил правду Хохряков, описывая в своих воспоминаниях («Красная летопись», 1926, № 2(17)) эту неудачную операцию в Госбанке чуть ли не как победу. Автору следовало бы признать, что он и сам вместе с Муравьевым стал на позиции заправил банка, поднявших шум вокруг формальных упущений, связанных с получением денег.

* Составители сборника «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде» (Лениздат, 1956) С. П. Князев и А. П. Константинов не критически отнеслись к этим воспоминаниям, сделав в них сокращение лишь тех мест, где Хохряков славословил Троцкого. Б. Ривкин в своей книге «Финансовая политика в период Октябрьской революции» (Госфиниздат, 1957), приняв за основу только воспоминания Хохрякова, рассматривает события 7 ноября как революционный акт, как захват Государственного банка. Общеизвестно, что Госбанк был захвачен 25 октября 1917 г., а 7 ноября все отряды, участвовавшие в «параде», были уведены Муравьевым, даже не войдя на территорию банка, а потом там осталась прежняя охрана. Неправильная оценка этого события дана и в книге З. В. Атласа «Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917—1925)» (Госфиниздат, 1940). В связи с этим событием автор делает ошибочный вывод: «Госбанк был захвачен 20 (по ст. стилю 7) ноября 1917 г.» (стр. 17).

министра финансов А. Хрушев и М. Фридман сделали подробный доклад «О попытках захватить Госбанк». Они обратили особое внимание на следующие слова в документе, оглашенном в Госбанке 7 ноября: «...кучка финансовых тузов и привилегированных чиновников объявляет себя собственницей всей государственной казны и распоряжается ею по своему усмотрению». Подпольных «министров» беспокоило, как бы не выяснилось, куда уплывают деньги, не раскрылась их роль в расхищении средств для нужд контрреволюции. Перед лицом общественности они хотели представить дело так, как будто деньги распределяет Министерство финансов для общественных нужд. Поэтому было вынесено следующее решение: «...принять к сведению и широко огласить воззвание Министерства финансов о деятельности ведомства со времени мятежа»¹. В воззвании делалась попытка создать впечатление, что большевики хотят ограбить банк, а Министерство финансов, не подчиняющееся власти «насильников», распределяет деньги только на неотложные нужды трудящихся.

Изложение этого воззвания было помещено 11 ноября в «Новой жизни» под заголовком «Разъяснения Министерства финансов». Сообщалось, что за время с 25 октября по 9 ноября из Госбанка отпущено 610 млн. руб. и что все эти деньги якобы пошли на содержание армии и флота, на закупку продовольствия для фронта, на выдачу заработной платы и на выдачу пайков семьям солдат. О кредите Городской думе в 7½ млн. руб. и о других подобного рода выдачах воззвание умалчивало.

Все эти наглые выпады Городской думы, «Комитета спасения», Союза Союзов, организованное сопротивление руководителей министерств, в частности Министерства финансов, Госбанка, Главного казначейства, Банкосоюза, Кредиттруда мероприятиям Советской власти ясно показывали большевикам, что в столице действуют открытые и подпольные, связанные друг с другом, контрреволюционные центры, что у них есть свои газеты, выходящие под маской так называемой «демократической» печати, что они прилагают все силы, чтобы удержать в своих руках Госбанк и Казначейство и

¹ «Красный архив», 1924, т. 6, стр. 211.

использовать государственные деньги в контрреволюционных целях.

Задача заключалась в том, чтобы разгромить эти центры, выгнать из важнейших министерств (финансов, продовольствия и др.), Госбанка, Главного казначейства в первую очередь руководящих чиновников, не признающих Советской власти, направить туда свои кадры, поставить в Госбанке и Главном казначействе надежную пролетарскую охрану.

Общая политическая обстановка в стране становилась все благоприятнее. Со всех концов страны приходили известия о триумфе Советской власти; на ее сторону переходили одна за другой воинские части на фронте. Партия осудила трусливых дезертиров из ЦК и Совнаркома и сплотилась вокруг Ленина и ленинского руководства ЦК. 8 ноября утром ЦК вынес решение об отстранении Каменева от председательства во ВЦИК. Вечером на заседании ВЦИК его председателем был избран закаленный ленинец Я. М. Свердлов.

Став во главе ВЦИК, т. Свердлов начал твердой рукой наводить в нем большевистский порядок, быстро налаживал контакт с ленинским Совнаркомом.

Вечером 8 ноября на первом же заседании ВЦИК под председательством т. Свердлова В. Р. Менжинский докладывал о сопротивлении чиновников Госбанка, не желающих выдавать деньги Советскому правительству и пытающихся прикрыться тем, что на получение денег нет санкции ВЦИК, как законодательного органа. И ВЦИК сказал свое веское слово. Единогласно была принята следующая резолюция:

«Центральный Исполнительный Комитет констатирует, что старшие чиновники Министерства финансов и Государственного банка, не признающие Советской власти, произвольно распоряжаются достоянием казначейства и Государственного банка, выдавая кредиты в одних случаях, задерживая в других и отказывая Совету Народных Комиссаров в кредитах на самые неотложные и жгучие потребности, прежде всего на принятие экстренных мер в деле обеспечения продовольствием фронта и проведения выборов в Учредительное собрание.

Усматривая в поведении старших чиновников Министерства финансов, в частности Государственного банка

и казначейства, преступный саботаж, последствия которого могут самым губительным образом отразиться на существовании миллионов солдат, крестьян и рабочих и помешать успешности созыва Учредительного собрания в установленный срок, Центральный Исполнительный Комитет предлагает Совету Народных Комиссаров принять самые энергичные меры для немедленной ликвидации саботажа контрреволюционеров Государственного банка и призывает всех остальных служащих, верных делу народа, оказать Советской власти всестороннее содействие в деле обеспечения государственной работы необходимыми денежными средствами.

Вместе с тем Центральный Исполнительный Комитет берет на себя, впредь до Учредительного собрания, контроль над расходованием денежных сумм по ордерам Совета Народных Комиссаров, с каковой целью Центральный Исполнительный Комитет создает финансовую комиссию из 9 членов»¹.

Этим решением ВЦИК выполнил постановление Центрального Комитета партии, принятое на утреннем заседании этого же дня.

9 ноября Совнарком обратился в Министерство финансов с предписанием открыть в срочном порядке без заключения Государственного контроля кредит до 25 000 000 руб. на экстренные нужды по продовольствию для армии и на другие необходимые расходы.

11 ноября за отказ признать власть Совета Народных Комиссаров были уволены с занимаемых должностей без права на пенсию товарищи министра финансов Хрущев А. Г., Фридман М. И., Шателен С. А., Кузьминский В. В., директор департамента Государственного казначейства Дементьев Г. Д., управляющий Госбанком Шипов И. П., управляющий Главным казначейством Петин Н. С., директор Кредитной канцелярии Замен К. Е., директор Общей канцелярии Скворцов В. К.².

¹ «Декреты Советской власти», т. I, Госполитиздат, 1957, стр. 57. (В комиссию вошли 5 большевиков и 4 левых эсера).

² Под рубрикой «Приказы по Министерству финансов» в «Известиях» № 223 от 12 ноября было опубликовано 9 постановлений (об увольнении каждого в отдельности). Под каждым из них стоят подписи: Председателя Совнаркома В. Ульянова (Ленина), заместителя наркомфина В. Менжинского, секретаря Совнаркома Н. Горбунова.

10 ноября ЦК партии направил т. Менжинскому в качестве его заместителя Александра Ефремовича Аксельрода, члена партии с 1902 г., работавшего в прошлом в банковской системе и тем самым знавшего финансовые дела. Он стал во главе Кредитной канцелярии.

Тт. Менжинский и Аксельрод повели решительную борьбу за овладение аппаратом всего Министерства финансов, и в первую очередь Госбанка. Надо было прежде всего сломить саботаж руководящих лиц, не признающих Советской власти, заставить их работать, выполнять распоряжения Советского правительства и назначенных им комиссаров, неподчиняющихся — изгнать, как это было сделано Совнаркомом по отношению к руководителям финансовых учреждений. В субботу 11 ноября был издан приказ по Министерству финансов:

«Все служащие и чиновники, не признающие власти Совета Народных Комиссаров, считаются уволенными со службы без сохранения права на пенсию.

Все военнообязанные, уволенные по сему приказу, снимаются с учета, о чем будет сообщено подлежащим властям.

Служащие и чиновники, желающие продолжать работу и всецело подчиняться революционной власти Совета Народных Комиссаров, должны в понедельник приступить к занятиям.

Списки приступивших к работе должны быть представлены в кабинет министра финансов (Мойка, 43) в понедельник 13 ноября сего года, к 6 часам вечера.

Уволенные чиновники, пользующиеся казенной квартирой, должны их очистить в течение трех дней, считая с 13 ноября сего года»¹.

Чиновникам Госбанка тт. Менжинский и Аксельрод этот ультиматум решили предъявить лично. Нужно было, чтобы охрана банка, состоящая из солдат Семеновского полка, оказала содействие. В этих целях тт. Менжинский и Аксельрод связались с председателем Военно-революционного комитета т. Подвойским, ведавшим тогда воен-

¹ Многие чиновники Госбанка, в особенности из старшего состава, жили в казенных квартирах здания, которое помещалось во дворе Госбанка. Этот приказ опубликован в «Правде» № 187 от 25/12 ноября 1917 г. и подписан временным заместителем Наркома по Министерству финансов В. Менжинским и секретарем Совнаркома Н. Горбуновым.

ными делами, который известил Семеновский полк и через него начальника охраны банка о цели прибытия комиссаров в банк. Начальник охраны информировал об этом Совет банка, указав, что комиссары вместе с т. Подвойским придут в банк к 2 часам дня. Саботажники опять засуетились. В Городскую думу, в Исполком Совета крестьянских депутатов, в Экспедицию заготовления государственных бумаг полетели гонцы, прося помощи. Вскоре представители этих организаций появились в банке.

В 2 часа дня 11 ноября тт. Менжинский, Аксельрод и Подвойский прибыли в Госбанк. В одну из комнат были приглашены директора, члены Совета, представители комитета служащих. Вместе с ними сюда проникли представители Городской думы и других организаций.

Тов. Менжинский зачитал собравшимся приказ по министерству. Потом он и т. Подвойский предложили отойти вправо тем, кто признает Советскую власть, и расписаться об этом на листе бумаги.

Заместитель управляющего банком А. Голубев начал доказывать, что работа в банке продолжается, что он протестует против насилия и что приказ надо спокойно обсудить, а для этого должно быть дано время. Председатель комитета служащих заявил, что без обсуждения этого вопроса на собрании служащих он также не может подписаться. Подвойский и Менжинский дали на обсуждение 20 минут и вышли из комнаты.

В коридорах толпились служащие банка. Менжинский и Подвойский решили, пока заседают директора, ознакомить их с приказом и предложить тем, кто будет подчиняться Советской власти, отойти направо и расписаться на листе бумаги. Саботажники устроили obstruction. Стали раздаваться провокационные выкрики, многие демонстративно бросились на левую сторону. Только отдельные сторожа и курьеры подошли к тт. Подвойскому и Менжинскому с просьбой ответить на интересующие их вопросы.

Стало очевидным, что основная масса служащих находится под влиянием своих контрреволюционных руководителей. Бумагу почти никто не подписал.

Однако решительное поведение комиссаров, ультимативная постановка вопроса о подчинении Советской

власти, угрозы увольнения и изгнания из квартир возы-
мели свое действие.

Среди членов Совета банка и директоров произошел раскол. Часть высказывалась за подчинение «насильно» и за подписание. Другие заявили, что лучше подать в отставку, чем подчиниться.

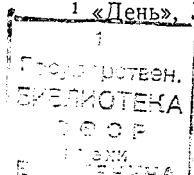
При голосовании 18 голосов оказалось за подчинение, а 11 против. Тогда представители Комитета служащих внесли предложение созвать в понедельник, 13 ноября, собрание служащих и на нем обсудить вопрос о приказе, а пока от принятия решения воздержаться. По их настоянию на Совете была вынесена резолюция: «Признавая себя членами общей организации служащих Госбанка, Совет и организации банка настаивают на предоставлении им возможности обсудить предъявленный вопрос в согласии со всеми служащими и дать ответ в понедельник 13 ноября в 4 часа дня»¹.

Тт. Подвойский и Менжинский согласились подождать с ответом до 6 часов вечера в понедельник, но предупредили членов Совета и директоров, что если они не подпишут приказ о подчинении, то будут уволены. Голубев и Цакони заявили было, что они просят считать их уволенными, вызвав этим аплодисменты саботажников. Однако после того, как т. Менжинский тут же дал согласие и предложил бумагу, чтобы они написали прошение об отставке, они от своих заявлений отказались.

ПЕРЕЛОМ

День 11 ноября был началом перелома. Руководители Госбанка почувствовали, что приходит конец их бесконтрольному хозяйничанию. Они убедились в том, что большевики от уговоров переходят к конкретным делам, к организационным мерам, к смене неподчиняющихся директоров. Однако они продолжали еще выполнять распоряжения руководителей прежних министерств: 11 ноября Министерство продовольствия за подписью Башкирова дало распоряжение Госбанку о переводе председателю Акмолинской продовольственной управы 10 млн. руб. и затем еще 5 млн. руб. Заместитель управ-

¹ «День», № 206, 12 ноября 1917 г.

ляющего Госбанком Голубев тут же перевел по назначению эти суммы¹.

В этот же день вскрылось и политическое лицо караула Семеновского полка, несшего охрану банка. Было установлено, что офицеры — начальники караула — держали постоянную связь с саботажниками, активно содействовали им, разделяя политическую платформу эсеров-меньшевиков и Городской думы. Представителей Думы и других антисоветских организаций караул пропускал в банк беспрепятственно. Выяснилось также, что поведение караула соответствует взглядам полкового комитета, который в тот же день совместно с комитетом Преображенского полка по своей инициативе созвал в клубе преображенцев гарнизонное совещание. На совещание были приглашены по 4 делегата от каждой части и представители всех партий, Городской думы, Петроградского Совета и ЦИК. Цель совещания — обсудить вопрос о создании однородной социалистической власти, т. е. попытаться при помощи воинских частей возродить вижжелевскую политическую линию².

На совещании присутствовали делегаты от 34 воинских частей. От большевистской партии на нем был т. Володарский. Первым и внеочередным было заслушано выступление представителя караула Госбанка. Семеновец заявил, что в 2 часа дня в банк должны явиться представители Военно-революционного комитета для ареста служащих банка, не желающих подчиняться правительству Народных Комиссаров. В случае их несогласия комиссары потребуют от солдат, несущих караул, чтобы те арестовали служащих, но мы, семеновцы, не можем взять на себя ответственность за такое серьезное дело. Что нам делать? Председатель поставил на голосование: обсуждать ли вопрос или дожидаться прибытия народных комиссаров? Тов. Володарский предложил этого вопроса не обсуждать. Большинством 68 против 38 было принято предложение т. Володарского.

Не успели, однако, развернуться выступления по основному вопросу, как представитель Преображенского

¹ ГАОР и ССЛО, ф. 1289, оп. 12, д. 11, лл. 308—310.

² За два дня до этого в обоих полках на общих собраниях ротных и командных комитетов были вынесены резолюции, требующие немедленного создания такой власти.

полка снова сделал внеочередное заявление, что большевики уже вторглись в банк и надо принимать какие-то меры. Поведение представителей Семеновского и Преображенского полков показывало, что их полковые комитеты относились к Советской власти с недоверием. Поэтому представители от полков — большевики на совещании заявили, что караул Семеновского полка в банке нужно заменить другим, например революционным финляндским полком¹. Большинством участников совещания предложение преображенца было отклонено и принято решение не касаться больше вопроса о банке до прихода на собрание народных комиссаров и представителей банковских служащих.

Утомленный возвратился т. Менжинский вечером 11 ноября в Смольный (комната 63) в свой комиссариат. Первостепенное значение приобрел вопрос о подборе новых людей в Госбанк и в первую очередь управляющего, который мог бы, наконец, оформить отпуск денег Совнаркому и от имени Советской власти повседневно на месте вести борьбу с саботажем, привлекая к работе тех, кто начинает колебаться. Где найти такого управляющего? И тут в комнату вошел С. Пестковский, который в первые дни революции был комиссаром телеграфа. Вот, что рассказывает сам т. Пестковский об этой встрече с т. Менжинским:

«...На диване полулежал с утомленным видом т. Менжинский. Над диваном красовалась надпись: «Народный Комиссариат финансов».

Я уселся около Менжинского и вступил с ним в беседу. С самым невинным видом т. Менжинский расспрашивал меня о моем прошлом и любопытствовал, чему я учился.

Я ответил ему, между прочим, что учился в Лондонском университете, где, в числе других наук, штудировал и финансовую науку.

Менжинский вдруг приподнялся, впился в меня глазами и заявил категорически:

— В таком случае мы вас сделаем управляющим Государственным банком.

¹ См. донесение комиссара гвардии Финляндского резервного полка Я. М. Рудника («Донесения комиссаров Петроградского ВРК», Госполитиздат, 1957, стр. 95).

Я испугался и ответил ему, что у меня нет никакой охоты занять этот пост, так как это совершенно «не по моей части». Менжинский, ничего не говоря, попросил меня обождать и вышел из комнаты. Через некоторое время вернулся с бумагой, в которой за подписью Ильича удостоверялось, что я и есть управляющий Госбанком.

Я еще больше опешил и стал просить Менжинского об отмене постановления. Но он остался непоколебимым.

Затем он мне объяснил положение. Дело в том, что нам дозарезу нужны деньги, хотя бы несколько миллионов. Государственный банк и казначейство бастуют и «легальным образом» денег получить нельзя. А финансовое дело — дело тонкое, и поэтому нужно соблюсти формальности. Единственный способ — сменить «головку» банка и затем взять деньги.

Услышав, в чем заключается моя главная задача, я немного успокоился¹.

12 ноября, несмотря на воскресный день, в Госбанке было шумно. В 2 часа дня собралось исполнительное бюро Совета делегатов служащих для обсуждения положения, как реагировать на ультиматум Менжинского и Подвойского, признавать или не признавать власть Народных Комиссаров, подчиняться ей или нет. Спорили долго. Старшие чиновники, продолжая линию большинства Совета Госбанка, выявившуюся накануне, предложили резолюцию, в которой указывалось: власть Совнаркома не признана страной, вопрос о власти решит Учредительное собрание; требовать от чиновников признания новой власти — это насилие над свободой гражданина. Поэтому лучший выход — оставление службы. Однако такой шаг повлек бы за собой полное разрушение всего аппарата банка и бедствие для страны, а посему, подчиняясь насилию, нужно согласиться исполнять распоряжения Совета Народных Комиссаров. Представители низших служащих — счетчиков, дворников, курьеров настаивали на подчинении. Большинство чиновников выдвинули другую резолюцию, в которой говорилось: «Ввиду объявления Советом Народных Комиссаров

¹ Об октябрьских днях в Питере, «Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 99—100.

своей власти, помимо общенародного признания и без всякого преемства от Временного правительства, служащие Государственного банка лишены возможности признавать эту власть законной и не подчиняться ее распоряжениям»¹. Однако чтобы не расстраивать финансовый аппарат перед самым приходом хозяина земли русской — Учредительного собрания, — говорится далее в резолюции, — служащие Госбанка должны продолжать нести свои служебные обязанности. Было решено обе эти резолюции обсудить завтра на собраниях по отделам Госбанка и собрать под ними подписи.

В понедельник, 13 ноября, состоялось собрания. Курьеры, охрана, вахтеры, дворники подписались под резолюцией о подчинении. Высшие чиновники приняли решение «подчиниться насилью»; большинство остальных чиновников подписалось под резолюцией о непризнании власти Совнаркома и неподчинении ей.

Члены Исполнительного бюро Банксоюза заволновались. Скоро должен прийти Менжинский за ответом. Как бы старшие чины свою резолюцию не выдали ему, как мнение всего банка. Поэтому Исполнительное бюро вынесло решение, в котором указывалось, что старшие чины нарушили свое обещание подчиниться решению большинства служащих и что для обсуждения вопроса 14 ноября созывается общее собрание всех служащих Госбанка.

К 5 часам дня в банк пришли гг. Менжинский, Подвойский и Пестковский. Голубев прочитал им резолюцию о подчинении. Тогда Менжинский попросил старших служащих указать, как следует оформить получение денег для нужд Совнаркома. Голубев и другие стали доказывать, что сметы утверждаются в законодательном порядке, из кассы Государственного банка никаких расходов по ведомствам оплачивать нельзя и он не может разрешить выдать деньги из банка. Выявилось, что Голубев и Цакони подписались под резолюцией о подчинении только для видимости. Они вновь заговорили об отставке.

Тов. Менжинский объявил о назначении С. Пестковского и о том, что будет издан декрет о предоставлении новых прав комиссару банка. Он решительно потребовал

¹ «День», № 207, 14 ноября 1917 г.

от высших чинов банка добросовестно работать и выполнять все распоряжения нового управляющего. Началась перепалка. В коридорах толпились возбужденные служащие. Менжинскому стало ясно, что разговорами тут не поможешь: нужны дальнейшие организационные меры. Он прекратил переговоры и собрался уходить. В коридоре его и остальных комиссаров встретили выкриками и бранными словечками. Только курьеры, швейцары, дворники, вахтеры, огромное большинство счетчиков выражали комиссарам сочувствие и оказывали им поддержку. Менжинский искренне жал многим из них руки при прощании, что еще больше бесило сановных саботажников.

Все это показало, что предстоит серьезная борьба с банковской верхушкой, с злостным саботажем сотен людей в аппарате. И Пестковский заколебался. В своих воспоминаниях он пишет, что чувствовал себя на Совете банка перед «почтенными стариками» как ученик на экзамене и что первый дебют его очень обескуражил. После возвращения в Смольный Пестковский стал просить Менжинского освободить его от непосильного бремени.

Менжинский обо всем информировал Ленина. Вместо Пестковского Совнарком назначил комиссаром Госбанка со всеми правами управляющего вызванного из Москвы В. В. Оболенского (Осинского), члена партии с 1907 г., опытного экономиста¹. Чтобы помочь т. Оболенскому в борьбе с саботажниками, В. И. Ленин в тот же день дал следующее указание: «Служащие Государственного банка, отказавшиеся признать Правительство рабочих и крестьян — Совет Народных Комиссаров — и сдать дела по Банку, должны быть арестованы»².

Совнарком принял также декрет, устранивший вся-

¹ Тов. Пестковский был управляющим Госбанка всего 3 дня. Об его освобождении не успели предупредить редакцию «Известий» и в номере от 14 ноября появились оба декрета о назначении Оболенского и Пестковского. Пестковский в этот день занимался уже другим делом — организовывал Канцелярию Комиссариата по делам национальностей. В анкете участников октябрьского переворота («От февраля к Октябрю», Госполитиздат, 1957, стр. 282) т. Пестковский ошибочно указывает, что он был назначен управляющим Госбанка 2 или 3 ноября.

² «Декреты Советской власти», т. I, Госполитиздат, 1957, стр. 540.

кие формальные рогатки со стороны банковских чиновников для получения 25 млн. руб. Вот его содержание:

«Во исполнение постановления Центрального Исполнительного Комитета съезда Советов рабочих и солдатских депутатов 2-го созыва от 8 ноября с. г. Совет Народных Комиссаров по представлению заместителя народного комиссара по Министерству финансов постановил: предоставить комиссару Государственного банка В. В. Оболенскому право, в виде временной и исключительной меры, выдать с текущего счета департамента Государственного казначейства краткосрочный аванс Совету Народных Комиссаров в размере 25 000 000 руб. (двадцать пять миллионов рублей), с отнесением их на текущий счет Совета Народных Комиссаров.

Настоящий декрет входит в силу немедленно»¹.

В этом документе все сделано по форме: указывалось, что декрет принят по представлению Наркомфина, отмечалось, что деньги необходимо снять с текущего счета департамента Государственного казначейства. Наконец, есть ссылка на постановление законодательного органа — ЦИК. В этот же день 13 ноября в Госбанк было послано извещение Совнаркома о том, что чеки по его текущему счету будут подписываться Управляющим делами Совета Народных Комиссаров Владимиром Дмитриевичем Бонч-Бруевичем и секретарем Совета Николаем Петровичем Горбуновым. В этом извещении были образцы их подписей. На другой день в Смольном Н. Горбунов получил удостоверение № 83, в котором он уполномочивался получить в Госбанке 25 млн. руб.².

Вечером 13 ноября т. Менжинский сдал для обнародования приказ по Министерству финансов об увольнении со службы за непризнание власти Совнаркома Н. И. Бояновского, одного из наиболее активных саботажников из числа директоров Госбанка³, директора

¹ Этот декрет от 13 ноября был подписан Председателем Совнаркома В. Ульяновым (Лениным), тремя наркомками и Управляющим делами Совнаркома В. Бонч-Бруевичем и опубликован в «Известиях», № 225 от 14 ноября («Декреты Советской власти», т. I, Госполитиздат, 1957, стр. 75).

² ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 1, д. 56, л. 17.

³ В дальнейшем Н. И. Бояновский изменил свою линию и активно помогал советским комиссарам в налаживании финансового аппарата.

Петроградской государственной сберегательной кассы В. К. Булгакова и его заместителя В. Н. Кледницкого¹.

Утром 14 ноября директора Госбанка собрались для обсуждения положения. В Госбанк явился т. Менжинский и представил директорам нового комиссара В. В. Оболенского. На предложение Менжинского выполнить постановление Совнаркома о 25 млн. руб. ему ответили, что директор, ведающий этим делом, уже ушел, а служащие, которые могут оформить эту выдачу, разошлись.

В 3 часа дня началось общее собрание чиновников Госбанка. Присутствовало свыше 1 000 человек. Руководители саботажа решили превратить это собрание в политическую демонстрацию против Советской власти, воспрепятствовать получению денег для Совнаркома, не дать большевикам овладеть Госбанком. Контрреволюционные центры понимали, что, лишившись денег, они теряют основное, что питает их борьбу с Советской властью, большевики же, овладев Госбанком, значительно укрепят свои позиции. На собрание явились вождь партии народных социалистов Н. В. Чайковский как представитель «Комитета спасения», представители Союза Союзов и различных министерств.

Собрание было очень бурным. Саботажники осуждали поведение директоров, давших согласие подчиняться большевикам, требовали объявления всеобщей забастовки. Один из директоров П. М. Богданов пытался оправдаться тем, что если Петроград не выдаст денег Совнаркому, то он может воспользоваться золотом, захваченным большевиками в Москве. Представитель Союза Союзов заявил, что сегодня будет обсуждаться вопрос о том, чтобы служащие всех министерств примкнули к забастовке, включая даже тех, кто обслуживает фронт и продовольственные нужды. Большинством 945 против 5 была принята резолюция, в которой говорилось, что чиновники банка отказываются подчиняться комиссарам и объявляют трехдневную забастовку, с тем, чтобы в течение этого времени совместно с представителями Городской думы, комитетом Союза Союзов и «Комитетом спасения» попытаться «изыскать пути к обеспечению нормальной работы Государственного банка, без

¹ «Известия», № 225, 14 ноября 1917 г.

признания власти захватчиков»¹. Забастовку решено было начать с 15 ноября.

В ответ на это т. Оболенский издал следующее распоряжение по Госбанку: «По дошедшим до меня сведениям, часть служащих Государственного банка решила 15 ноября не явиться на занятия в банк. Предлагаю всем служащим явиться 15 ноября на занятия. Не явившиеся до 12 часов дня будут уволены со службы и лишены пенсии. Военнообязанные будут сняты с учета и переданы в распоряжение воинских начальников.

Директора отделов и их помощники, как лица наиболее ответственные за непрерывное течение работы банка, в случае неявки будут, согласно решению Совета Народных Комиссаров, подвергнуты аресту и препровождены в Кронштадт.

Требую от всех служащих немедленного подчинения всем постановлениям Совета Народных Комиссаров и моим распоряжениям под угрозой применения вышеуказанных взысканий»².

Вечером в тот же день В. И. Ленин и В. Р. Менжинский подписали приказ по Государственному банку об увольнении товарища управляющего Госбанком А. К. Голубева согласно его прошению.

Активные действия большевиков вызвали отчаянное сопротивление саботажников, которые решили организовать выступление в общепетроградском масштабе.

Вечером 14 ноября комитет Союза Союзов принял резолюцию, призывавшую служащих всех государственных учреждений в Петрограде поддержать чиновников Госбанка демонстративной забастовкой-протестом 16 и 17 ноября.

Стачечный комитет Госбанка вечером 15 ноября — первого дня забастовки — вынес решение продолжать забастовку «впредь до изменения создавшегося положения». Частные банки были закрыты 15, 16 и 17 ноября.

На Бассейной улице 13, 14 и 15 ноября Фридман регулярно докладывал «Совету министров» о положении в банке и Главном казначействе. 14 ноября Фридман сделал следующее сообщение: «В Казначействе комиссары и счетчики денег не дают, оно фактически нахо-

¹ ГАОР и ССЛО, ф. 5001, оп. 2, д. 1, л. 16.

² «Известия», № 226, 15 ноября 1917 г.

дится в руках большевиков. В Госбанке — разногласия между высшими, средними и низшими служащими. Младшие готовы подчиниться, высшие подчиняются силе, средние — против... Денег получить из этих учреждений в будущем едва ли будет возможно». Хотя присутствовавший на заседании представитель от служащих Министерства финансов уверял, что «настроение среди служащих вообще твердо», состояние у членов «правительства» стало подавленным. Прокопович заявил, что, поскольку Госбанк занят большевиками, хозяйственно-административная деятельность «правительства» прекращается. Подполье уже мало что давало, и Прокопович предложил активно и открыто вмешаться в события, обратившись от имени «правительства» к стране с воззванием.

15 ноября Фридман докладывал, что Государственный и частные банки закрыты, Главное казначейство жалование не выдает и что 20-го числа все может рухнуть, если чиновники деньги не получат. Представитель саботажников от имени чиновников заявил, что дальнейший саботаж возможен лишь при условии, если чиновникам со своими семьями будет на что существовать и что они хотят досрочно получить жалование. Если им сейчас жалования не выдадут, то «Совет министров» к обычному сроку — 20-го числа может легко оказаться бессильным сделать это, а большевики участникам саботажа платить не будут. «Совет министров» поручил управляющему Министерством финансов по соглашению с Государственным контролером «обсудить вопрос о способе выдачи жалования служащим». Было решено, чтобы денежные документы на жалование служащим были оформлены немедленно и деньги переданы в министерства.

В этот же день на заседании «Совета министров» был зачитан текст подготовленного воззвания. Это воззвание, подписанное министрами и их заместителями, участвовавшими в подпольных собраниях, было опубликовано 17 ноября в газете контрреволюционной кадетской партии «Наша речь» и в некоторых других анти-советских газетах. Воззвание призывало не подчиняться Советской власти и сплотиться вокруг Учредительного собрания.

Так контрреволюционные центры и саботажники от-

ветили на действия большевиков по овладению Госбанком. По их расчетам, 28 ноября должно было открыться Учредительное собрание, на которое кадеты, правые эсеры и меньшевики возлагали большие надежды¹. Они были уверены, что в этом Учредительном собрании получат большинство и что к нему перейдет власть. Вокруг защиты такого удобного им Учредительного собрания они организовывали свои контрреволюционные силы. Удержать Государственный банк в своих руках до Учредительного собрания также входило в их планы. Помочь в этом, по их расчетам, могла всеобщая забастовка: финансовых кадров у большевиков нет, оформить документы без служащих они не сумеют, распоряжений Совнаркома выполнять будет некому, дело затянется, а там наступят дни спасительного Учредительного собрания.

Но саботажники и их контрреволюционные руководители просчитались. Партия и правительство повели против них решительную борьбу.

На заседании Совнаркома 15 ноября обсуждался вопрос о роспуске Петроградской городской думы, которая превратилась в открытый контрреволюционный центр, руководила саботажем во всех коммунальных учреждениях, связывалась с иностранными послами, собирала вокруг себя антисоветские элементы. 16 ноября было решено ее распустить и назначить новые выборы. «Центральная городская дума явно и окончательно утратила право на представительство петроградского населения, придя в полное противоречие с его настроениями и желаниями»², — гласило постановление Совнаркома. 20 ноября дума была разогнана и помещение ее занято.

Были закрыты газеты «Наша речь» и «День», печатавшие антисоветские воззвания. В Смольном, в комнате № 56 начала энергично работать Особая следственная комиссия, выяснявшая связи саботажников с контр-

¹ Комитет Союза Союзов 22 ноября постановил обратиться к Учредительному собранию в день его открытия с адресом, в котором комитет собирался изложить историю и цели забастовки государственных служащих и предоставить себя всецело в распоряжение Учредительного собрания.

² «Декреты Советской власти», т. I, Госполитиздат, 1957, стр. 91.

революционными центрами¹. Началась мобилизация рабочих, солдат, знающих бухгалтерию и конторское дело. Их направляли на работу в министерства вместо саботажников. ЦК партии (Секретарем ЦК был тогда Я. М. Свердлов, хорошо знавший большевистские кадры) беспрерывно посылал в министерства, Госбанк, Главное казначейство преданных коммунистов, способных возглавлять отделы и бороться с саботажем.

ОВЛАДЕНИЕ КЛЮЧАМИ ОТ КЛАДОВЫХ БАНКА

В. И. Ленин требовал от комиссаров банка быстрее принять меры к получению денег, немедленно овладеть ключами от кладовых.

В своих воспоминаниях т. Оболенский пишет: «В первый день мы не знали даже, сколько денежных хранилищ имеется в банке, сколькими ключами они запираются и где эти ключи находятся. И в первый же день т. Ленин со своим обычным умением брать быка за рога заявил нам, что пока мы не принесем ему **ключей от кладовых**, мы будем только **говорить** о захвате Банка»².

15 ноября в 12 ч. дня Менжинский и Оболенский со своими двумя помощниками отправились в Госбанк.

¹ Один из видных работников Следственной комиссии т. Козловский, вспоминая о том времени, рассказывал: «переставали бесконечное количество всяких чиновников и, главным образом, много чиновников Государственного банка, где был самый упорный саботаж» («Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 65).

² «Экономическая жизнь», № 1, 6 ноября 1918 г. Воспоминания Н. Осинского.

В Москве Военно-революционный комитет и его комиссары в Госбанке еще в ночь на 10 ноября арестовали управляющего банком В. Я. Ковальниченко, забрали у него ключи от кладовых, а в ночь на 12-е получили 5 млн. руб. кредитными билетами на нужды революционной власти. У Ковальниченко были взяты также ключи от кладовой, где хранились запасы золотого фонда, около 600 млн. руб. По этому поводу буржуазная и меньшевистско-эсеровская печать подняла дикий вой, будто большевики грабят народное золото.

11 ноября Менжинский послал телеграмму комиссару Московской конторы Госбанка, в которой запрашивал: «Какие меры приняты к охране неприкосновенности золотого запаса Государственного банка». Он предупреждал, что «если хоть один золотой слиток выйдет из подвалов, вы будете подлежать строжайшей ответственности перед Советом Народных Комиссаров и Военно-революционным судом». Эта телеграмма была опубликована в «Известиях» 12 ноября. Через три дня «Известия» сообщили, что в Москве «золотые запасы в полной неприкосновенности и строгой охране».

В помещении банка никого, кроме курьеров, счетчиков и младших служащих, а также дежурного чиновника, они не застали. На требования комиссаров сообщить адреса служащих дежурный чиновник заявил, что адреса у него неизвестно кем «похищены». Однако курьеры помогли постепенно установить необходимые адреса. Тов. Оболенский попросил Военно-Морской революционный комитет прислать ему 25 ордеров на арест наиболее видных саботажников¹.

Оперативную помощь комиссарам оказывал В. И. Ленин. 15 ноября он обратился в Военно-Морской революционный комитет со следующим требованием:

«Уважаемые товарищи.

Благоволите предоставить в распоряжение комиссара Государственного банка десять энергичных товарищей, которые нужны для исполнения весьма ответственных поручений.

Эти товарищи должны прибыть завтра, 16 ноября, к 10 часам утра в здание Государственного банка и явиться к комиссару Банка Оболенскому»². Они должны были помогать Оболенскому арестовывать наиболее злостных саботажников.

Военно-революционный комитет установил должность специального комиссара по охране Госбанка. Со штампом «Комиссар охраны Государственного банка В. Р. Комитета» типографским способом были изготовлены светло-синего цвета небольшие ордера следующего содержания: «Комиссар Государственного банка просит немедленно явиться для объяснений (место для указания фамилии). В случае отказа прошу доставить под арестом в здание Государственного банка»³. С такими ордерами комиссар по охране банка направлял вооруженных конвоиров на квартиры саботажников.

Приведенный первым 15 ноября под конвоем главный кассир Железнов выдать ключи от кассы отказался. Вскоре был доставлен заведующий кладовыми Троицкий. Тот заявил, что ключи от кладовых он может вы-

¹ И. П. Любимов, Революция 1917 г., Хроника событий, т. VI, Госиздат, 1930, стр. 150.

² «Декреты Советской власти», т. I, Госполитиздат, 1957, стр. 541.

³ Образец такого бланка имеется в ЦГАОР и СС, ф. № 336, оп. 1, ед. хр. 5, лл. 116, 117.

дать только директору Отдела кредитных билетов Г. Я. Пржигодскому. Привели Пржигодского. Выяснилось, что каждая кладовая имеет два ключа, один из которых находился у Пржигодского, другой у заведующего кладовыми. Чтобы открыть кладовые, необходимо согласие обоих. Пржигодский дал свое согласие отдать ключи. Железнов же заявил, что он отдаст ключи только тогда, когда наличность кладовой будет просчитана и принята от него. Пржигодский предложил оставить ключи у Железнова, а на дверях кладовой, кроме имевшихся там печатей, поставить третью печать Совнаркома. Комиссары потребовали безоговорочно отдать ключи.

В конце концов все восемь ключей были переданы, но с «согласия сторон», был составлен следующий акт: «Мы, нижеподписавшиеся, осмотрев наружную дверь кладовой, нашли печати на замке в полном порядке. После этого, ввиду позднего времени, приемка кладовой не состоялась, но были приняты следующие меры, обеспечивающие неприкосновенность ценностей, хранящихся

КОМИССАРЪ ОХРАНЫ
Государственного Банка
В. Р. КОМИТЕТА.
№ 61
ПЕТРОГРАДЪ.

ОРДЕРЪ. 139
103 116

Комиссаръ Государственного Банка просить немедленно
явиться для объяснений *Александрова*

Въ случаѣ отказа прошу доставить подъ арестомъ въ
зданіе Государственного Банка.

Комиссаръ охраны Гос Банка
В. Р. Комитета

Помощникъ комиссара *Петров*
Иванов

№ 1221 Тел. „Орбита“

Ордер комиссара охраны Государственного банка. С таким ордером вооруженные конвоиры ходили на квартиры саботажников и приводили их в банк

в кладовой: 1. Печати на замке кладовой остались нетронутыми. 2. Оригиналы этих печатей остались на хранении у тех же служащих Государственного банка, у которых они хранились до сегодняшнего дня. 3. Ключи от кладовой переданы согласно распоряжению Совета Народных Комиссаров гражданину комиссару на правах управляющего Государственным банком. 4. Караулу отдано распоряжение без личного распоряжения комиссара — управляющего В. В. Оболенского никого в кладовую не допускать.

В соответствии с этим заведующий кладовой, в присутствии нас, нижеподписавшихся, передал ключи от кладовой Государственного банка гражданину комиссару на правах управляющего Государственным банком Валериану Валериановичу Оболенскому, через посредство гр. директора Отдела кредитных билетов. Всего передано восемь ключей»¹. На следующий день акт был полностью напечатан в «Правде»².

Ключи от кладовых банка оказались, наконец, в руках комиссаров. Оставалось только принять кладовые. Счетчикам было предложено завтра, 16 ноября, прийти в банк к 10 ч. Пржигодскому и Железнову было объявлено, что они остаются под домашним арестом. Ряду служащих были посланы указания явиться завтра на службу под угрозой принудительного привода.

Вечером «ключи от банковских миллионов были привезены в Смольный и торжественно высыпаны на стол перед т. Лениным из замшевого мешка, в котором они хранились. Но Ленин не удовлетворился этим первым шагом и потребовал от нас теперь уже не ключей, а денег»³.

16 ноября Менжинский и Оболенский с утра организовали при помощи счетчиков проверку кладовых. Была точно установлена сумма находящихся там денег. Нужно было теперь заставить работать чиновников важнейших отделов — Главной кассы, Кредитного от-

¹ Акт подписали комиссар Госбанка В. В. Оболенский, зам. наркома по Министерству финансов В. Менжинский, директор Отдела кредитных билетов Г. Я. Пржигодский, зав. кладовой Троицкий, старший контролер Я. Метц и 5 счетчиков (ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 1, д. 25, л. 46).

² «Правда», № 191, 29 (16) ноября 1917 г.

³ «Экономическая жизнь», № 1, 6 ноября 1918 г. Воспоминания Н. Осинского.

дела, Бухгалтерии, Отдела текущих счетов. При помощи низших служащих комиссары стали составлять списки и выяснять адреса чиновников, деятельность которых была необходима для оформления операций при получении денег. Бойцы охраны с ордерами специального комиссара по охране Госбанка направлялись на квартиры саботажников. Таким образом было вызвано свыше 20 человек. Одним из первых стал активно помогать большевикам директор Отдела кредитных билетов Г. Я. Пржигодский. Согласившись наладить работу своего отдела, он уговорил и часть других чиновников работать, чем вызвал к себе ненависть руководителей саботажа. Наиболее активных саботажников комиссары тут же увольняли. Так был смещен главный кассир Железнов.

К концу дня выяснилось, что кладовые и Главная касса могут начать выдачу денег. Сложнее обстояло дело с оформлением этих выдач по бухгалтерским книгам. Здесь «спецы» из числа саботажников особенно сопротивлялись, убежденные, что в бухгалтерских делах большевики не разберутся.

Между тем от рабочих заводов, провинциальных отделений Госбанка, военного ведомства, продовольственных учреждений поступали настойчивые требования на получение денег, которые нужно было немедленно удовлетворять. Необходимо было во что бы то ни стало получить деньги и для нужд Совнаркома. Нельзя было ждать полного преодоления саботажа. И выход был найден.

ПЕРВЫЕ ПЯТЬ МИЛЛИОНОВ В СМОЛЬНОМ

17 ноября на заседании Совнаркома под председательством В. И. Ленина был принят декрет, в котором говорилось:

«1. Ввиду того, что забастовка чиновников Государственного банка и связанная с нею задержка выплаты денег Петроградской конторой банка могут поставить в бедственное положение широкие слои рабочих и солдат, предоставить комиссару Государственного банка Оболенскому в виде временной и исключительной меры сроком не более чем на три дня, считая день подписания декрета, производить из кассы Петроградской конторы банка уплату по правильно заполненным, имею-

щим силу документам, предъявляемым: а) казенными и общественными учреждениями, б) торгово-промышленными предприятиями, коим средства нужны для выдачи заработной платы рабочим, не проводя, до восстановления всех операций банка, таких выдач по книгам конторы и замещая в оборотной кассе документами соответствующее количество денежных знаков.

Подлинность и законная сила документов должны быть проверены в каждом отдельном случае и подтверждены ручательством фабрично-заводских комитетов и других общественных учреждений. Главному контролеру Петроградской конторы банка предоставляется установить условия означенной проверки и ручательства.

2. Ввиду того, что забастовка чиновников Государственного банка препятствует фактическому осуществлению декрета Совета Народных Комиссаров от 13 ноября о выдаче Совету краткосрочного аванса в 25 млн. руб., предоставить комиссару банка производить выдачу из кассы Петроградской конторы Государственного банка сумм по ордерам уполномоченных Советом лиц в пределах означенного аванса и применительно к описанному в ст. 1 порядку, т. е. с заменой в кассе денежных знаков документами, впредь до проведения этих выдач по книгам банка»¹.

Чтобы перебросить деньги из кладовой в Главную кассу Петроградской конторы, необходимо было оформить это через Отдел местных учреждений Госбанка. Поскольку служащие Отдела бастовали, комиссары в нарушение правил передали 17 ноября из кладовой в Главную кассу 20 млн. руб. без оформления через Отдел местных учреждений².

¹ «Известия», № 230, 19 ноября 1917 г. («Декреты Советской власти», т. I, Госполитиздат, 1957, стр. 103—104).

² 22 ноября это было санкционировано Совнаркомом, который вынес следующее решение: «Ввиду острого недостатка денежных знаков в Петроградской конторе Государственного банка разрешается комиссару Государственного банка, в отступление от существующих правил и в виде исключительной меры, передавать из кладовой Отдела кредитных билетов в Главную кассу Петроградской конторы на ее подкрепление по мере надобности необходимые суммы, отложив проведение означенных выдач через Отдел местных учреждений Государственного банка до полного восстановления операций. Этим постановлением утверждается и передача

Ленин настойчиво требовал от Оболенского немедленно доставить в Смольный в счет 25-миллионного аванса 5 млн. руб. 17 ноября деньги были доставлены¹. Н. Горбунов, бывший тогда секретарем Совнаркома, в своих воспоминаниях рассказывает, как это произошло:

«...Как-то Владимир Ильич вручил мне декрет за собственноручной подписью ...с приказом Госбанку вне всяких правил и формальностей и в изъятие из этих правил выдать на руки секретарю Совнаркома десять миллионов² рублей в распоряжение правительства. Правительственным комиссаром банка был назначен В. В. Оболенский-Осинский. Передавая этот декрет мне в присутствии тов. Осинского, Владимир Ильич сказал: «Если денег не достанете — не возвращайтесь»...

Получив задание от Ленина, мы вдвоем с тов. Осинским на автомобиле поехали в Госбанк... Опираясь на низших служащих и курьеров, которые были на нашей стороне, а также угрожая Красной гвардией, которая якобы окружила уже банк, нам удалось проникнуть в помещение кассы банка, несмотря на всякие кунштуки, которые выделявали высшие чины Госбанка, вроде ложных тревог и т. п., заставить кассира выдать

в Главную кассу 20 000 000 руб., произведенная Отделом кредитных билетов 17 ноября 1917 г.» («Декреты Советской власти», т. I, Госполитиздат, 1957, стр. 126—127).

¹ В «Истории гражданской войны в СССР» (т. 2, 1947) допущена неточность, когда речь идет о деньгах для Совнаркома. Там написано: «Для того, чтобы получить по требованию Совета Народных Комиссаров из Государственного банка 10 миллионов рублей, понадобилось арестовать директора банка Шипова и пригрозить чиновникам Красной гвардией» (стр. 539). Все это было не так просто. После ареста Шипова потребовалось еще 13 дней борьбы, и не его однодневный арест сыграл решающую роль в получении денег. Получено же было не 10, а 5 млн. руб.

² Может быть, не десять, а пять миллионов рублей. За цифру сейчас не ручаюсь, так как текст этого декрета утерян. Вероятно, оригинал был предъявлен в банке в качестве аккредитива (сноска Н. Горбунова).

В архиве Совнаркома (ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 1, д. 25, л. 44) имеется следующий документ от 17 ноября 1917 г., адресованный Петроградской конторе Государственного банка: «Просим выдать предъявителю сего, секретарю Совета Народных Комиссаров, Николаю Петровичу Горбунову, пять миллионов рублей (5 000 000 р.) с текущего счета Совета Народных Комиссаров. Управляющий делами Вл. Бонч-Бруевич. Секретарь Н. Горбунов».

требуемую сумму. Мы производили приемку денег на счетном столе под взведенными курками солдат военной охраны банка. Был довольно рискованный момент, но все сошло благополучно. Затруднение вышло с мешками для денег. Мы ничего с собой не взяли. Кто-то из курьеров, наконец, одолжил пару каких-то старых больших мешков. Мы набили их деньгами доверху, взвалили на спину и потащили в автомобиль.

Ехали в Смольный, радостно улыбаясь. В Смольном также на себе дотащили их в кабинет Владимира Ильича. Ильича не было. В ожидании Владимира Ильича я сел на мешки с револьвером в руках. Сдал я их Владимиру Ильичу с особой торжественностью. Владимир Ильич принял их с таким видом, как будто иначе и быть не могло, но на самом деле остался очень доволен. В одной из соседних комнат отвели платяной шкаф под хранение первой советской казны, окружив этот шкаф полукругом из стульев и поставив часового. Особым декретом Совнаркома был установлен порядок хранения и пользования этими деньгами. Так было положено начало нашему первому советскому бюджету. Буржуазная печать по этому поводу потом всюду кричала об ограблении большевиками Государственного банка»¹.

Вечером в тот же день Менжинский вместе с Оболенским, Бонч-Бруевичем и Горбуновым вскрыли эти мешки, составили и все подписали акт о том, какие купюры и на какую сумму в каждом из них находились².

Этот подробный акт так же, как и акт о приемке

¹ «Правда», № 225 (3787), 6—7 ноября 1927 г. Е. М. Городецкий в своей работе «Из истории Петроградского военно-революционного комитета», увлекшись показом деятельности ВРК, пишет: «Через два дня Военно-революционный комитет торжественно доставил в Смольный в распоряжение Совета Народных Комиссаров первую полученную из Государственного банка сумму» (стр. 23). На самом деле деньги доставил не Военно-революционный комитет, а Горбунов с Оболенским по прямому заданию Ленина.

² В мешках находились билеты тысячерублевого достоинства на сумму 3 250 000 руб., пятисотрублевого — на 350 000 руб., двухсотпятидесятирублевого — на 100 000 руб., сторублевого — на 100 000 руб., пятидесятирублевого — на 50 000 руб., сорокарублевого — на 80 000 руб., двадцатипятирублевого — на 150 000 руб., двадцатирублевого — на 400 000 руб., десятирублевого — на 370 000 руб. и пятирублевого достоинства — на сумму 150 000 руб.

ключей в Госбанке, был напечатан в «Правде» через день, 19 ноября 1917 г. Опубликование таких документов в «Правде» помогало большевикам противодействовать буржуазной печати, которая на все лады трубила о том, что большевики грабят банк. Публикуя такие документы, большевики как бы отчитывались перед народом: не верьте буржуазной лжи, вот как брались ключи в банке; комиссары без ревизии в кассу не полезли, печати остались на месте, охране дано указание оберегать кассу; вот сколько и каких денег взято для Совнаркома, вот как они там охраняются.

С 19 ноября на заседаниях Совнаркома стали рассматриваться отдельные требования об отпуске средств наркоматам и переводе их городам. 21 ноября по указанию Ленина и за подписью его и Менжинского было издано постановление об организации финансового отдела при Совнаркоме, представлявшее собой подробную инструкцию о хранении и расходовании денег, полученных Совнаркомом. Согласно этой инструкции в кладовой должен находиться несгораемый шкаф, в котором хранятся денежные знаки; дверь в кладовую должна быть заперта двумя замками и запечатана тремя печатями, принадлежащими заведующему финансовым отделом, казначею и представителю контрольной комиссии при ЦИК. Один ключ хранится у контролера, другой — у казначея. У дверей кладовой должен находиться караул, который не имеет права допускать никого без разрешения караульного начальника и предъявления указанных выше трех печатей, слепки которых должны быть вывешены на стене около караульного поста. Лист, на котором прикреплены эти слепки, должен быть подписан Председателем Совнаркома и Управляющим делами. Предусматривалась еженедельная публикация в официальных органах Правительства отчетов о расходовании денег. Все это говорит о том, насколько щепетильно относился В. И. Ленин к расходованию народных денег. Он лично занимался составлением декрета-инструкции о порядке хранения и расходования денег.

Заведующим финансовым отделом был утвержден В. Д. Бонч-Бруевич.

22 ноября по распоряжению Оболенского представитель Госбанка снял печати с денежного шкафа в Смоль-

ном, где хранились деньги, и вручил кому следует ключ¹.

С этого дня В. Бонч-Бруевичу представилась возможность расходовать деньги для работы аппарата Совнаркома. По воспоминаниям современников он очень осторожно тратил первые 5 миллионов рублей, так что они довольно долго продержались. Более или менее крупные расходы из этих пяти миллионов санкционировались на заседаниях Совнаркома.

Так, например, по специальному указанию Совнаркома от 20 декабря было отпущено 300 000 руб. в кассу ЦИК для уплаты задолженности за работы, произведенные для ликвидированного 5 декабря Военно-революционного комитета. В полученном Бонч-Бруевичем предписании Совнаркома за подписью Ленина указывалось, что отпущенная в кассу ЦИК сумма должна быть впоследствии возвращена в фонд Совнаркома из сумм тех народных комиссариатов, на нужды которых производились расходы Военно-революционным комитетом. Ликвидационная комиссия ВРК должна была предварительно дать в финансовый отдел обязательства о представлении в установленный срок (не позднее двух недель) счетов в соответствующие комиссариаты, которые в свою очередь должны немедленно эти счета проверить и произвести по ним уплату в кассу финансового отдела Совета Народных Комиссаров. Постановлениями Совнаркома из пятимиллионного фонда было выдано взаимнообразно: 30 ноября по ходатайству Народного комиссара юстиции П. И. Стучки 30 тыс. руб. — на организацию

¹ Был составлен следующий акт: «По распоряжению комиссара на правах Управляющего Государственным Банком тов. Оболенского, я комиссар для поручений К. Троекуров прибыл в здание Смольного института для вручения ключа и снятия двух печатей у денежного шкафа, каковые нашел в исправности, и снятие произвел в присутствии нижеследующих лиц:

Командант Смольного Мальков, Управл. дел. Сов. Нар. Ком. Влад. Бонч-Бруевич, Представитель контр. комиссии Центр. Испол. Ком. Совета РСК деп. П. В. Чумаченко, Казначей Пыряц, Комиссар для поручений при комиссаре Госуд. Банка К. Троекуров, Кассир (подпись неразборчива), 22.XI.1917» (ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 1, д. 25, л. 60).

Тогда же мешки с деньгами были вновь проверены и составлен акт проверки, подписанный Бонч-Бруевичем, казначеем, кассиром и представителем контрольной комиссии (ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 1, д. 25, л. 36).

революционных трибуналов; 11 декабря — 10 тыс. руб. — на содержание Следственной комиссии при Петроградском Совете и т. д.¹.

Бывали случаи, когда из пятимиллионного фонда Совнаркома финансовая комиссия ЦИК по настоянию Ленина оказывала помощь в получении заработной платы рабочим отдельных предприятий. Так, член завкома завода «Анчар» П. П. Александров, которому рабочие поручили получить заработную плату, долго не мог этого сделать из-за саботажа и волокиты заводчиков. Наконец, когда ассигновка была ему выдана, он не смог получить денег в Госбанке из-за неналаженной еще там работы. С группой рабочих он решил поехать в Смольный к Ленину за помощью. Вот как он описывает свою встречу с Лениным:

«Мы рассказали о задержке заработной платы, обо всех своих мытарствах и о том, что, имея на руках ассигновку в банк, денег все-таки не получили.

— Ну так что же? — спрашивает Владимир Ильич. — Чем могу Вам помочь?

Мы замялись...

— Да, вот, — говорим, — мы слышали, что Совнарком получил недавно из банка пять миллионов рублей... Нельзя ли из этих средств получить в обмен на ассигновку нужные нам деньги?

— Это можно, — отвечает Владимир Ильич. — Ищите Бонч-Бруевича и Свердлова, пусть зайдут ко мне.

Быстро находим гг. Свердлова и Бонч-Бруевича, и вот уже минут через двадцать нам вручают протокол комиссии, в котором записано решение — выдать нам требуемую сумму...

Получив вскоре деньги, мы отправились на завод»².

Итак, 17 ноября начала функционировать советская казна. Это было важной победой. С этого дня Государственный банк на деле перешел в руки большевиков. Власть подпольного «Временного правительства» над ним кончилась. С 15 ноября никакие денежные ассигновки, подписанные бывшими министрами или их заме-

¹ ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 1, д. 24, лл. 32 и 26.

² «Воспоминания о Ленине», т. 2, Госполитиздат, 1957, стр. 72—73. Этой операцией В. И. Ленин и комиссия дали рабочим завода деньги взаймы, так как по ассигновке завода Совнарком мог потом получить эти деньги в банке.

стителами, ни в банке, ни в Главном казначействе уже не выполнялись¹. Руководить банком стал его подлинный хозяин — Советская власть.

Характерно, что в воскресенье 19 ноября на заседании Совнаркома впервые обсуждались вопросы, связанные с распределением денег через Госбанк. Комиссары банка уже могли обеспечить выполнение постановлений Совнаркома.

Делегат от Президиума Московского Совета рабочих и солдатских депутатов в этот день на заседании Совнаркома просил: 1) перевести из Госбанка 100 млн. денежных знаков в Московскую контору, 2) открыть текущий счет в 20 млн. руб. Московскому Совету районных дум и 3) открыть кредит в 5 млн. руб. Московскому Совдепу.

По первому пункту Совнарком постановил: «Ввиду забастовки служащих Государственного банка и острого недостатка денежных знаков в г. Москве, разрешается комиссару Государственного банка, в отступление от существующих правил и в виде исключительной меры, выслать срочно для пополнения кассы Московской конторы Государственного банка денежных знаков на сумму не свыше 100 миллионов рублей, отложив проведение означенной выдачи через Отдел местных учреждений Государственного банка до полного восстановления операций»². По второму пункту просьба также была удовлетворена³. Что касается третьего пункта, то Совнарком предложил Советам самим изыскивать средства путем взыскания налогов, обложения имущих классов и пр. Было принято решение разослать всем Советам следующую телеграмму:

¹ Да и само подпольное «правительство», потеряв власть над банком и казначейством, по существу распалось. После того как члены этого «правительства» опубликовали свое воззвание 17 ноября, Военно-революционный комитет постановил арестовать всех подписавших заявление и отправить их в Кронштадт. Часть из них сбежала из Питера (Демьянов, например, уехал на Дон к Каледину), часть собиралась еще некоторое время подпольно в квартире Паниной. Но вскоре Панина была арестована и ее судили в Военно-революционном трибунале за сокрытие денег, похищенных ею из Министерства просвещения, где она была товарищем министра при Временном правительстве.

² «Декреты Советской власти», т. I, Госполитиздат, 1957, стр. 543.

³ В это время в Москве большинством районных дум руководили большевики.

«Совет Народных Комиссаров обращает внимание всех местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на то, что они, в качестве власти на местах, обладают также и налоговыми правами, вследствие чего все обращения к центральной государственной власти за субсидиями, не подкрепленные достаточными доказательствами невозможности получения необходимых денежных средств путем введения местных налогов, будут оставаться без удовлетворения. Всякие обращения за финансовой поддержкой должны быть мотивированы и сопровождаться точными финансовыми и экономическими документальными справками»¹.

20 ноября на заседании Совнаркома т. Менжинский предложил всем наркомам прислать 21 ноября своих представителей в Главное казначейство, которое уже было прочно завоевано, для обсуждения различных ассигнований, выплата по которым была задержана в связи с саботажем.

НОВЫЕ БОЛЬШЕВИСТСКИЕ КАДРЫ

Задача состояла теперь в том, чтобы полностью поставить Государственный банк и весь государственный финансовый аппарат на службу революции. Это требовало направления в банк и Министерство финансов большевистских кадров и жестких мер против саботажа чиновников.

Центральный Комитет партии и Совнарком провели в эти дни большую работу по укреплению банка и финансовых органов новыми кадрами. Многое здесь было сделано Я. М. Свердловым.

По решению Совнаркома от 17 ноября все документы, по которым могли производиться экстраординарные выдачи, должны проверяться главным контролером Петроградской конторы Госбанка. На этот пост нужно было подыскать подходящую кандидатуру. Я. М. Свердлов знал, что один из старых большевиков Д. М. Соловей работал до революции в банковской системе. Обсудив эту кандидатуру с Лениным, он вызвал т. Соловей для пере-

¹ «Декреты Советской власти», т. I, Госполитиздат, 1957, стр. 110—111. По-видимому, московские товарищи на завтра представили достаточные доказательства. 20 ноября Совнарком разрешил кредитовать Московский Совдеп в сумме 5 млн. руб. (там же, стр. 147)

говоров. 16 ноября приказом по Министерству финансов за подписью В. И. Ленина, В. Р. Менжинского, В. Д. Бонч-Бруевича и Н. П. Горбунова т. Соловей был назначен исполняющим обязанности главного контролера Петроградской конторы Государственного банка¹.

Знал Я. М. Свердлов и то, что член райкома Рождественского района Е. М. Соловей, член партии с 1905 г., ранее работала в Правлении Сибирского банка. Он предложил ей также работать в Госбанке в качестве комиссара Отдела заграничных операций².

17 ноября приказом Совнаркома по Министерству финансов вызванный из Москвы опытный финансист старый большевик Д. П. Боголепов был назначен помощником наркома по Министерству финансов и директором Департамента государственного казначейства³.

Большую работу по вербовке в Госбанк военнослужащих, знакомых с банковским и конторско-бухгалтерским делом, развернул т. Оболенский. Обращаясь с письмами к главнокомандующему Петроградским Военным округом, Военно-революционному комитету, командирам отдельных частей, Петроградскому коменданту, воинским начальникам, полковым комитетам, он добивался освобождения от воинской службы людей, необходимых Госбанку⁴. Некоторые из них назначались комиссарами в важнейшие отделы банка. Так, например, писарь младшего разряда Главного военно-технического управления Л. Н. Александри стал комиссаром Отдела кредитных билетов; находившийся на излечении в Колпине военнослужащий В. Е. Егоров — комиссаром Продовольственного отдела; солдат 8-го мотоциклетного отделения К. Барановский — комиссаром Отдела личного состава.

¹ «Известия», № 230, 19 ноября 1917 г. См. также ЦПАИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 4747.

² Вот какой между ними произошел разговор:

«— Как это вы меня назначаете комиссаром Отдела заграничных операций? Я плохо знаю языки, ничего в финансах не понимаю. Как же я справлюсь с этой работой? А он отвечает: — Голова есть на плечах? — Есть, — говорю. — Тогда справишься, а будут трудности, обращай к нам — поможем («Рассказывают участники Великого Октября», Госполитиздат, 1957. Е. Соловей, «В борьбе за массы», стр. 44—45).

³ «Известия», № 230, 19 ноября 1917 г. См. также ЦПАИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 4753.

⁴ ЦГАОР и СС, ф. 2324, оп. 1, ед. хр. 70, лл. 1—18.

В банк направляли новых людей Комиссариат труда, заводские комитеты; в нем начинали работать демобилизованные.

Комиссары, работавшие без усталости дни и ночи, сыграли первостепенную роль в сломе саботажа чиновников и в налаживании деятельности банка и финансовых органов. Не случайно они вызывали особенную ненависть врагов революции, пытавшихся изобразить комиссаров «грабителями», заседавшими в Госбанке и Министерстве финансов. На деле же это были настолько самоотверженные и скромные люди, что в течение длительного срока оставались даже без заработной платы. Вопрос «о вознаграждении финансовых комиссаров» рассматривался на заседании Совнаркома 23 ноября. Обсуждалось заявление, подписанное В. Менжинским, Д. Боголеповым, Д. Соловеем, В. Оболенским и А. Аксельродом, в котором говорилось:

«Нижеподписавшиеся, представители Комиссариата финансов, обращают внимание Совета на необходимость **срочного** разрешения вопроса о назначении и уплате жалования членам комиссариата, которые почти все находятся в безвыходном финансовом положении. Проведение этого расхода по ассигновкам Министерства в ближайшем будущем в связи с саботажем чиновников невозможно. Оно также и не всегда желательно: в некоторых случаях необходимо оставлять техников дела на постах, которые они занимали раньше, и ставить рядом с ними комиссара для политического контроля. Поэтому указанный расход должен быть произведен из пятиmillionного фонда Совета Народных Комиссаров»¹.

На этом документе рукой В. И. Ленина написано: «утверждается в засед. Совета 23/XI. Ленин». Совнарком принял решение: «Утвердить просьбу комиссаров в обычном размере»², т. е. по 500 руб. на человека и 100 руб. на каждого иждивенца.

В каких условиях жили и как самоотверженно работали большевики в Госбанке, показывает отрывок из письма т. Оболенского, написанного 23 ноября 1917 г. А. М. Шатерниковой:

¹ ЦПАИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 4795.

² Там же.

Муниципальное Собрание
№ 10. Число 23/12 1992
Вз Собрания 1992
УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ
Всего 18
3 1992
23 декабря 1992
Всего 4533
18
20/10

Поэтому указанные расходы должны быть произведены из пятилетнего фонда Совета народного комиссариата. Этот фонд по своей сути для президиума должен рассматриваться и совершать советы народного комиссариата и его аппараты, которые им известны.

L. H. Cunningham D. Torrey W. B. Woodhouse
J. L. G. J. S.

Wm. C. Cress

«Я был так занят, что не мог в точном смысле слова минуты оторваться от банковских дел. Были дни, да мы там сидели от половины девятого утра до 10 вечера, не обедавши, а потом ехали в Смольный. И все время споряжения, сообщения, прием всяких людей и пр. и занимаемся не очень-то почетным с виду делом — манием стачки чиновников банка и с каждым днем играваем почву. Теперь уж у меня куча помощников, их (чиновников) дело проиграно в принципе, мы овладели банком. Как это ни странно, обнаружили у меня,

хотя и не полные, так сказать, но административные и организационные таланты. И то, что мы возьмем банк, — большое завоевание. Словом, мы в самом сердце хозяйства, как сказал сегодня на совещании банкиров, нами созданном, один из финансовых тузов, и поэтому наша работа так лихорадочна»¹.

О совместной работе комиссаров по налаживанию деятельности Госбанка т. Оболенский рассказывает в своих воспоминаниях:

«Первые три недели все комиссары отделов собирались регулярно по вечерам на заседание в кабинете управляющего. Каждый делал отчет о выполненных за день операциях, о недостатках в постановке дела, о необходимых изменениях в ней. Комиссары вновь открываемых отделов сообщали результаты своих «разведок». Таким образом все вводили друг друга в курс общей работы и помогали друг другу своим опытом и инициативой. В первые дни нашего пребывания в банке на таких заседаниях было 5—6 человек. Происходили они в Михайловской столовой за ужином, заменявшим обед. Через две недели в них участвовало уже не менее двадцати человек, позже — тридцать...»².

В налаживании дел в Госбанке комиссарам много помогли счетчики. Они не только работали по своей специальности. Наиболее грамотные из них переходили в другие отделы, переквалифицировались на другие более важные специальности. Для поступления на работу они приводили в банк своих родных и знакомых. Так, например, в Грифовой Отдела кредитных билетов были небольшие машины, на которых числящиеся на службе в Экспедиции заготовления государственных

¹ Оригинал этого письма хранится у т. Шатерниковой (члена КПСС с 1917 г., ныне персональной пенсионерки).

Подлинное лицо комиссаров показывает и следующий факт. Комиссар Центральной бухгалтерии В. К. Рейхардт пришел в Госбанк налаживать бухгалтерское дело в борьбе с саботажниками 17 ноября. В это время до конца декабря он находился в двухмесячном отпуске с сохранением содержания, как главный бухгалтер Петроградского окружного страхового товарищества. В конце декабря за работу в Госбанке ему начислили 1 500 руб. Получив эти деньги, он их 23 декабря препроводил в распоряжение Совнаркома с просьбой использовать «для устройства социалистических школ в деревнях или на другие народные нужды» (ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 1, д. 24, л. 8).

² «Экономическая жизнь», № 1, 6 ноября 1918 г.

бумаг машинисты печатали номера и подписи на привозимых в Госбанк из экспедиции пачках денег. Большинство этих мастеров-машинистов бастовало вместе со служащими экспедиции. Тогда группа счетчиков под руководством одного из мастеров стала обучаться этому печатанию и перешла к работе на машинах.

Деньги для печатания давали машинистам специальные кассиры, которые получали их по документам из особого шкафа. Эти же кассиры принимали деньги от машинистов после нумерации. Почти все кассиры были злостные саботажники. Работавшая кассиром Н. Ф. Стратилатова¹ много помогала в налаживании дела в Грифовой-ной, энергично боролась с саботажниками, научила выполнять обязанности специальных кассиров группу новичков, заменивших саботажников.

Когда саботажники ушли из Госбанка, счетчики Главной кассы, Отдела кредитных билетов устроили собрание, выбрали новые комитеты, наметили из своей среды людей, которые могут работать ответственными кассирами и их помощниками. И действительно, счетчики Ребров, А. А. Семенов (впоследствии назначенный помощником главного кассира), А. Г. Богомоллов, Меркулов и др. при участии кассира С. А. Скопцова (не прикнувшего к саботажу) переквалифицировались в кассиров и активно помогали налаживать аппарат Главной кассы.

К концу ноября комиссары уже возглавляли все отделы Госбанка и его Петроградской конторы.

Во второй половине ноября в Госбанке организовалась большевистская ячейка (первичная организация). Сначала в ней было около 20 человек; в декабре она увеличилась на 12 человек, а в первой половине 1918 г. пополнилась еще 90 товарищами. Став центром политической жизни в Госбанке, парторганизация комплектовала его отделы новыми работниками, вела борьбу с саботажом и преступностью, спланировала служащих для успешного выполнения задач Советской власти, укрепляла охрану банка, организовывала воинскую подготовку большевиков².

¹ Н. Ф. Стратилатова (Красикова) — член КПСС с декабря 1917 г.; ныне персональная пенсионерка.

² Коллектив банковских большевиков в первые месяцы 1918 г. представлял уже собой боевую дружину до ста человек.

УСИЛЕНИЕ БОРЬБЫ С САБОТАЖНИКАМИ

Чтобы полностью поставить Госбанк и весь финансовый аппарат на службу революции, необходимо было преодолеть саботаж чиновников.

Комиссары банка продолжали вызывать или под конвоем приводить в банк саботажников и требовать от них возобновления работы. За отказ от работы за несколько дней было арестовано около 40 чиновников. Их, как правило, отводили в Следственную комиссию Смольного, где после допроса или отправляли в тюрьму или освобождали.

17 ноября к Менжинскому и Оболенскому от имени Комитета общественной безопасности¹ явился городской голова Г. И. Шрейдер с представителями от Союза Союзов и Банксоюза. Они заявили, что хотят устроить с комиссарами совещание по вопросу о работе банка, при этом рассматривают комиссаров не как представителей правительства, а как представителей силы, захватившей Государственный банк. Они потребовали от комиссаров якобы для обеспечения нормальной работы банка отказаться от предъявления служащим требования признать Советскую власть; настаивали, чтобы все уволенные были приняты обратно, а вновь назначенные из банка удалены. В заключение они предложили создать контрольную коллегия, в которую вошли бы по одному представителю от Военно-революционного комитета, Союза Союзов и от служащих Госбанка. Каждый член этой коллегии должен иметь право вето на выдачу денег из Госбанка. На таких условиях они согласны прекратить забастовку.

Это была наглая попытка нажима на комиссаров, чтобы получить право хозяйничать в банке. В ответ на нее по распоряжению из Смольного красногвардейцы и матросы в ночь на 18 ноября заняли помещение, где собирались профсоюзные руководители саботажников — Исполнительное бюро (комната 71 в Госбанке), аресто-

¹ Была и такая организация, действовавшая в помещении Городской думы. Хотя она заявляла, что ни в какую политическую борьбу не вмешивается, а борется только за безопасность граждан, ее деятельность носила политический характер: она активно помогала арестованным юнкерам, боролась за освобождение из тюрем контрреволюционеров.

вали и препроводили в Следственную комиссию Смольного заместителя председателя этого бюро Н. Т. Вишневого. Вскоре он был отправлен в тюрьму. В ту же ночь был арестован и Г. И. Шрейдер¹.

В Главном казначействе против саботажников начал активно действовать комиссар Мицкевич при поддержке счетчиков. Десять кассиров, несколько бухгалтеров и ряд других служащих заявили о признании Советской власти. Наиболее активно сопротивлялся комиссару главный бухгалтер Кузнецов, призывавший к дальнейшей забастовке. 17 ноября его арестовали и отправили в Следственную комиссию Смольного, где он стал отпираться от предъявленных ему обвинений. От него требовали, чтобы он принял меры к прекращению забастовки.

В ночь на 18 ноября в Главном казначействе был сменен караул: вместо семеновцев были поставлены красногвардейцы, которые начали помогать комиссару в борьбе с саботажем. В частности, при их помощи была пресечена попытка саботажников созвать утром 18 ноября собрание служащих, чтобы наметить план действий.

Хотя комитеты саботажников в Госбанке и Главном казначействе 17 ноября вечером постановили продолжать забастовку, многие служащие 18 ноября стали приходить на работу. От них тут же требовали расписки в признании Советской власти. Отказывавшихся не допускали к работе. Злостные саботажники — В. Н. Акоронко, помощник делопроизводителя Александров и др. были отправлены в Следственную комиссию в Смольный². Выяснилось, что некоторые из чиновников Гос-

¹ На допросе 18 ноября он заявил, что не имеет никакого отношения к саботажу, ничего не знает о получении «Комитетом спасения» денег из Госбанка и что этот Комитет уже не существует («Известия», № 230, 19 ноября 1917 г.).

² Работавший в Отделе местных учреждений В. Н. Акоронко находился в тюрьме до 22 декабря. В этот день он был освобожден БЧК на поруки своего брата после того, как комиссар отдела в рапорте комиссару банка написал, что с его стороны нет препятствий к освобождению Акоронко «в том случае, если он, Акоронко, немедленно после освобождения явится в Государственный банк во вверенный мне отдел для сдачи дел и некоторых ответов по вопросам, касающимся отдела» (ЦГАОР и СС, ф. 336, оп. 1, ед. хр. 5, лл. 13—15).

банка были не прочь приступить к работе, но не делали этого, так как боялись активных саботажников. От таких чиновников поступали даже просьбы, чтобы их приводили в банк под конвоем: руководители саботажа увидят, что чиновники работают под охраной — значит приведены насильно — и не будут их травить.

19 ноября при обсуждении в Совнаркоме вопроса о кредитах комиссариатам выяснилось, что в ряде министерств служащие получили жалование до 1 января 1918 г. Совнарком вынес решение: «Рекомендовать комиссариатам детально изучить сметы по своим министерствам. Если выяснится, что служащие министерств получили свое жалование по 1 января 1918 г., то принять самые энергичные революционные меры для возвращения этих денег обратно по ведомствам. Перед арестами и преданием революционному суду не останавливаться.

Предложить служащим, получившим жалование вперед, или 1. работать, подчиняясь власти Правительства; 2. вернуть деньги.

В случае отказа судить их, как за воровство народного имущества»¹.

На заседании Совнаркома 20 ноября была вскрыта деятельность подпольного «Временного правительства» и его роль в финансировании саботажа. Тов. Менжинский огласил перехваченную им телеграмму, адресованную «министру финансов Кузьминскому», следующего содержания: «Общественный губернский комитет правительственных учреждений в целях однообразной тактики петроградскими служащими убедительно просит Малый совет министров телеграфно распорядиться выдаче содержания за три месяца вперед. Ответ благоволиите сообщить Могилев Управление земледелия Председателю Союза. Комитет»². В связи с этой телеграммой Совнарком постановил арестовать всех членов Малого совета бывшего правительства.

С распадом подпольного «Временного правительства» финансирование саботажа, однако, не прекратилось. Руководители саботажа были связаны с крупнейшими капиталистическими организациями. Один из них, некий

¹ ЦПАИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 4.

² Там же, ед. хр. 5.

Лаппо-Старженецкий получал деньги от фирмы Эриксон, от французских торговых фирм, Акционерного общества объединенных кабельных заводов, акционерного общества Сименс-Шуккерт. Стаечный комитет союза служащих кредитных учреждений (Кредиттруд) создал большой стаечный фонд, средства которого направлялись на помощь саботажникам. Виднейший кадет Кутлер внес в этот фонд более миллиона рублей. Саботажников поддерживали такие крупные фирмы, как торговый дом Ивана Стахеева и К^о в Москве, табачная фабрика Богданова. Их снабжали деньгами Кавказский, Тульский поземельный, Московский народный и другие банки. Отдельные капиталисты (Гейман — из Учетного ссудного банка Персии, Менделевич, Оркин и др.) тоже финансировали стаечный фонд, который достигал двух миллионов рублей. Руководитель стаечного комитета меньшевик Теслер передал председателю Союза Союзов А. М. Кондратьеву для поддержки саботажа чиновников полтора миллиона рублей. Поддерживала саботаж также и французская миссия через Русско-Азиатский и другие банки.

Немало денег собиралось и по подписным листам среди чиновников и зажиточных слоев населения. Комитет Союза Союзов выпустил подписные листы «на образование центрального фонда», отпечатанные типографским способом. Каждый лист имел свой номер. По этим листам члены стаечного комитета и «активисты» Союза Союзов собирали большие средства. У арестованного члена комитета Союза Союзов М. С. Скугар-Скварского был найден отчет 26 человек, собравших по 148 подписным листам до 20 декабря 1917 г. свыше 214 тыс. руб., из них председатель комитета А. Кондратьев сдал подписных листов на 185 тыс. руб. Кроме того, была найдена ведомость пожертвований более чем на 10 тыс. руб.¹ Газета «День» открыто создала специальный фонд, в который вносились всякие пожертвования в пользу «жертв большевистской диктатуры». В газете «Ночь»² от 23 ноября сообщалось, что из собранных для фонда сумм 25 тыс. руб. передано Союзу Союзов.

Меньшевик Бройдо передавал саботажникам деньги.

¹ ЦГАОР и СС, ф. 336, оп. 1, ед. хр. 5, л. 37.

² Выходила вместо газеты «День».

бывшие у меньшевистско-эсеровского ЦИК первого состава и скрытые от большевистского ЦИК, избранного на II съезде Советов. Через некоторых чиновников, которые оставались на своих местах, саботажный центр обманно списывал деньги с текущих счетов различных учреждений и переводил их в стачечный фонд¹.

Все это говорит о том, что саботажники финансировались из многих источников. Было необходимо до конца вскрыть эти источники, ликвидировать их, изолировать руководителей саботажа, бдительно контролировать всякие выдачи денег из Госбанка, чтобы они не попали в карманы буржуазии и в руки организаторов саботажа. Эту линию активно проводили комиссары Госбанка с помощью Военно-революционного комитета и Следственной комиссии в Смольном.

20 ноября Военно-революционный комитет издал следующий приказ:

«Преступный саботаж чиновников Министерства финансов, главным образом, Государственного банка и казначейств, поставил в безвыходное положение вдов, сирот и престарелых пенсионеров, существующих только на получаемые ими ничтожные пенсии, в получении которых им отказывает, таким образом, бастующее чиновничество. Продолжение подобного преступного саботажа грозит неисчислимыми бедствиями беднейшему населению Республики, чего никоим образом не может допустить революционный народ, а потому для прекращения саботажа чиновничества Военно-революционный комитет требует, чтобы чиновники Государственного банка и всех казначейств немедленно приступили к занятиям. Неисполнение настоящего приказа грозит тяжелыми последствиями для саботирующих.

Главкомандующему по обороне Петрограда принять самые решительные меры к введению нормальных занятий в названных учреждениях, не останавливаясь перед арестами, высылкой из столицы, а для призывных возрастов — снятием с учета»².

¹ Все эти факты, кроме ЦГАОР и СС, взяты из двух источников: «История гражданской войны в СССР», т. 2, ОГИЗ, 1947, и М. Я. Л а ц и с, Два года работы на внутреннем фронте, Госиздат, М., 1920.

² «Правда», № 195, 4 декабря (21 ноября) 1917 г. Вопрос о снятии с воинского учета играл большую роль. Сотни чиновников

Многие чиновники банка дали согласие приступить к работе с 22 ноября. Основная же масса саботажников заявила, что будет бастовать до созыва Учредительного собрания, которое, мол, скажет свое решительное слово. Наиболее злостных саботажников матросы гвардейского флотского экипажа отвозили в Следственную комиссию Смольного. Находившиеся в Госбанке матросы и красногвардейцы стали его второй охраной. В «Правде» начали печататься резолюции низших служащих Госбанка и Главного казначейства, в которых активные саботажники объявлялись врагами народа. Об этом же писали в «Правду» отдельные служащие, приступившие к работе и призывавшие к тому же своих товарищей.

РАБОТА ГОСБАНКА НАЛАЖИВАЕТСЯ

Постепенно при помощи новых кадров, направленных в Госбанк и Министерство финансов, и вернувшихся служащих жизнь в банке начала возрождаться. О том, как это происходило, рассказывают участники событий. Так, Е. М. Соловей вспоминает:

«Пришла я в Банк. Стоит много несгораемых шкафов, все столы закрыты, книг никаких нет; неизвестно, с чего начинать. Я обратилась к Я. М. Свердлову: — Дайте матросов, чтобы привести какого-нибудь специалиста из отдела, который хоть бы ящики открыл и рассказал кое-что.

Он послал двух матросов, и они действительно привели специалиста Отдела заграничных операций. Сказать, что он ввел меня в курс дела, я не могу, но нам удалось получить ключи, открыть сейфы, ящики и т. д. Потом я опять обратилась к Я. М. Свердлову: — Как быть с иностранцами? Как себя вести? Они меня осаждают, требуют по чекам деньги.

Яков Михайлович посоветовал мне позвонить к Владимиру Ильичу, и он скажет, что делать. Я позвонила. Владимир Ильич подумал и говорит:

Госбанка и других банков имели отсрочки по воинской повинности. Такую отсрочку из 7 000 служащих частных банков с 1 августа 1916 г. по 4 декабря 1917 г. получили 3 177 человек («Обзор деятельности съездов представителей акционерных коммерческих банков и их органов», Петроград, 1918, стр. 97).

— Иностранцы не признают нашего комиссара иностранных дел. Так вот пусть они идут к нему, если он разрешит, вы будете выдавать. Так я и действовала.

Постепенно мы начали набирать штат. Кое-кто из саботажников начал возвращаться, помогать нам. Это были преимущественно низшие служащие, счетоводы. Потом постепенно организовалась в Госбанке партийная ячейка. Вообще мы, почти ничего не зная по линии финансов, все же делами «ворочали»¹.

Тов. Лебедев, назначенный 17 ноября главным бухгалтером банка, так описывает обстановку:

«Нашел огромные пустые комнаты, разбросанные книги, часть из них чиновники забрали с собой, рассчитывая, что большевики не смогут составить баланса и вести банковского счетоводства, а они тем принудят Советскую власть пойти на уступки. Ожидания их не осуществились, так как часть новых сотрудников, хотя и не обладала необходимыми техническими знаниями, но горела желанием помочь Советской власти продержаться до конца саботажа чиновничества.

Кроме пустых помещений и разбросанных книг, я нашел небольшую группу товарищей. Мы совместно устроили совещание, выработали план дальнейшей работы и распределили обязанности...

Работа на нас лежала тяжелая, ибо нам было необходимо пустить в ход банковский аппарат, в котором работало ранее более 1 000 чиновников; первым долгом разыскали последний баланс и приступили к составлению следующего; работа была трудно выполняемая, потому что, как я уже указывал, часть книг и документов чиновники забрали с собой...»².

Уже 17 ноября Отдел кредитных билетов стал работать полным ходом. В этот день с помощью счетчиков заделывались тюки с кредитными билетами для отправки в провинцию. Было запаковано билетов на сумму около 100 млн. руб. Заведование Грифовальным отделением принял на себя старший счетчик П. В. Григорьев. Постепенно стала функционировать Главная касса.

С 18 ноября удалось пустить в ход Отдел текущих

¹ «Рассказывают участники Великого Октября», Госполитиздат, 1957, стр. 45—46.

² «Красная летопись», 1923, № 6, стр. 338.

счетов. Хотя контролеров не хватало и отдел не мог удовлетворить всех клиентов, все же за один день — 20 ноября — были оформлены выплаты по чекам на 2 млн. руб. для армии, заработной платы рабочим, пенсии инвалидам и на продовольственные нужды. Контроль при выдаче денег с текущих счетов осуществляли не только контролеры, но и сами комиссары, которые почти все время в часы операций находились в Главной кассе. Деньги выдавались лишь по требованиям чрезвычайной экстренности (заработная плата, нужды продовольственных органов, армии), причем учреждениям деньги отпускались только по ордерам, подписанным комиссарами этих учреждений, а на зарплату только по удостоверениям фабрично-заводских комитетов.

Чтобы саботажники не мешали работе, тт. Менжинский и Оболенский издали приказ, согласно которому служащие могли приходить в помещение банка по особым пропускам, выдаваемым комиссаром по охране банка. Тому, кто являлся с пропусками, предлагали или приступить к работе или удалиться из помещения банка.

23 ноября в «Правде» был напечатан первый отчет о состоянии оборотной кладовой Петроградской конторы Государственного банка с 16 по 20 ноября:

Остаток на 14 ноября	19 175 160 р. — к.
Выдано за 16 ноября ¹	10 337 000 р. — к.
Выдано за 17 ноября	6 543 600 р. — к.
Поступило из Отдела кредитных билетов 17 ноября	20 000 000 р. — к.

Остаток на 18 ноября	22 294 560 р. — к.
Выдано за 18 ноября	8 412 057 р. 66 к.
Остаток на 20 ноября	13 882 502 р. 34 к.
Выдано за 20 ноября	5 930 296 р. 51 к.

Остаток на 22 ноября ²	7 952 205 р. 83 к.
---	--------------------

Таким образом, выдачи составили:

16 ноября	10 337 000 р. — к.
17 »	6 543 600 р. — к.
18 »	8 412 057 р. 66 к.
20 »	5 930 296 р. 51 к.

Всего 31 222 954 р. 17 к.

¹ Первый день, когда большевистские комиссары стали у руководства.

² 21 ноября был неприсутственный день — религиозный праздник.

«Кроме того, — указано в отчете, — большие суммы отправлены в провинцию. В том числе в Москву отправлено уже 50 миллионов и на этой неделе будет отправлено не менее 100 миллионов».

Опубликование в «Правде» — органе Коммунистической партии — этого отчета было ответом на клеветнический шум, поднятый антисоветской печатью, будто Госбанк не работает. Отчет показывал, что вопреки саботажу деятельность банка налаживалась: работали отдел текущих счетов и кассы (деньги выдаются), отдел кредитных билетов (кладовая пополняется), отдел переводов (деньги переводятся) и в какой-то степени бухгалтерия (отчеты составляются).

Второй отчет о работе кассы Госбанка «Правда» опубликовала 25 ноября. В нем подчеркивалось, что 24 ноября поступления в кассу шли не только из Отдела кредитных билетов, но и со стороны, от клиентов банка: за этот день вклады составили около полутора миллионов рублей. Через отдел переводов в разные города было направлено 24 ноября свыше миллиона рублей, из них 650 тыс. руб. наличными и свыше 350 тыс. руб. по переводным операциям.

Развертывание деятельности отдела переводов имело большое значение. Оно показывало, что не только в Госбанке и Министерстве финансов, но и в других учреждениях и ведомствах саботаж успешно преодолевался. Все больше денежных средств стало переводиться на места по распоряжению народных комиссаров. 8 декабря т. Оболенский разослал извещения местным конторам и отделениям Госбанка и казначействам об образцах подписей лиц, которые уполномочены им «подписывать переводы и кредиты, выдаваемые Петроградской конторой на иногородние учреждения Государственного банка и на казначейства, производящие вышеуказанные операции»: комиссара, который должен был подписываться за директора, двух контролеров, трех бухгалтеров и трех кассиров¹. Таким образом, несмотря на то, что чиновники продолжали саботаж, жизнь в Госбанке, а также в органах Министерства финансов налаживалась, все более и более входила в норму. 5 декабря, на первом заседании Высшего Совета Народ-

¹ ГАОР и ССЛО, ф. 1289, оп. 3, д. 10, л. 4.

ного Хозяйства было сообщено, что штат чиновников банка уже превысил 400 человек, работают почти все отделы и что за последние три недели в провинциальные отделения Госбанка и в полевые казначейства отправлено около 1 млрд. руб.¹.

По мере налаживания текущей деятельности Госбанка и финансовых органов ставились и решались вопросы реорганизации финансового и банковского аппарата. Прежде всего нужно было очистить их от всего ненужного, ликвидировать то, что не требуется в условиях нового строя.

В Министерстве финансов существовал Совет Министра, в который входили крупные чиновники различных ведомств. По докладу т. Менжинского 25 ноября Совнарком принял декрет, в котором говорится: «Предусмотренный штатами Министерства финансов Совет Министра упразднить. Членов Совета считать оставленными за штатом, без определения им заштатного содержания»².

В финансовом ведомстве царского правительства, кроме Госбанка, существовали еще Государственный дворянский земельный банк и Крестьянский поземельный банк. В первом из них дворянство могло закладывать свои земли на льготных условиях. Второй способствовал переходу части помещичьей земли в руки сельской буржуазии на выгодных для дворянства условиях и был широко использован царским правительством для насаждения кулацких хуторских хозяйств во время столыпинской реформы в годы реакции. Оба эти банка рабоче-крестьянскому государству были не нужны. На том же заседании Совнаркома 25 ноября т. Менжинский внес следующий проект декрета:

«Состоящие по ведомству Министерства финансов Государственный дворянский земельный банк и Крестьянский поземельный банк упраздняются с оставлением чинов и служащих сих учреждений за штатом на общих основаниях.

Ликвидация дел по центральным и местным учреждениям названных банков возлагается на Государственный банк. Основания и порядок самой ликвидации

¹ «Правда», № 207, 19(6) декабря 1917 г.

² «Декреты Советской власти», т. I, Госполитиздат, 1957, стр. 153.

определяются особым декретом Совета Народных Комиссаров».

К этому проекту В. И. Ленин написал вступление: «Во исполнение декретов о земле и об уничтожении сословных учреждений постановляется»: (далее идет текст, предложенный т. Менжинским). С ленинским вступлением декрет был принят¹.

В конце ноября Владимир Ильич Ленин посетил Госбанк и вел беседу с комиссарами о мерах, которые необходимо предпринять, чтобы быстрее сломать саботаж чиновников и упорядочить работу Госбанка. Вот как описывает это посещение главный контролер Петроградской конторы Госбанка Д. М. Соловей:

«В один из рядовых рабочих дней Госбанка, когда перед зданием его по обыкновению стояла очередь людей за получением денег по чекам со своих текущих счетов, совершенно для нас неожиданно в Госбанк приехал Владимир Ильич Ленин.

Владимир Ильич собрал руководящих работников банка, выяснял ход работы, способы преодоления трудностей из-за саботажа, вопросы снабжения деньгами рабочих фабрик и заводов, отношение старых чиновников к проводимой работе в Госбанке, реагирование клиентуры на работу Госбанка и т. д. После подробного ознакомления с положением дела Владимир Ильич дал ряд советов, указаний и уехал в Смольный.

Посещение Владимиром Ильичем Госбанка, его беседы с руководящими банковскими работниками, его направляющие работу указания подняли настроение всего состава сотрудников банка и значительно укрепили операции банка и правильные взаимоотношения с клиентурой»².

КОНТРОЛЮ — ГЛАВНАЯ РОЛЬ

Особо важную роль в налаживании работы Госбанка в интересах революции играла организация контроля.

¹ «Декреты Советской власти», т. I, Госполитиздат, 1957, стр. 148—149.

² Эта выдержка взята из стенограммы беседы заведующего Центральным партийным архивом ИМЛ тов. П. Б. Жибарева с Д. М. Соловей 3 июля 1946 г. Дон Маркович Соловей умер в июне 1954 г., а эту стенограмму любезно предоставила в распоряжение автора вдова Дона Марковича — Е. М. Соловей.

Промышленники, капиталисты, банкиры, торговцы старались выкачать из Госбанка все имевшиеся на их текущих счетах средства, боясь, что они будут конфискованы большевиками. Госбанк же выдавал деньги только в том случае, если фабрично-заводские комитеты подтверждали, что деньги идут на заработную плату рабочим и на другие неотложные нужды. Большие и малые капиталисты стали заваливать банк письмами с подписями и печатями различных фабкомов, месткомов, домовых комитетов, профсоюзных уполномоченных, удостоверяющих, что деньги нужны для выдачи заработной платы. Комиссары банка видели, что здесь было много фальши, подделок, что капиталисты хотят как можно скорей получить легальным путем деньги со своих текущих счетов. Нужно было тщательно контролировать все эти документы, проверять подписи и печати, разоблачать мошенников.

Д. М. Соловей как главный контролер, конечно, уже не мог сам справиться с этой махиной бумажек, которые до выдачи денег следовало тщательно проверять. Кроме того, нужно было налаживать последующий контроль над денежными операциями. При этом контролировать всевозможные бумажки промышленников, приносивших чеки других, становилось все труднее и сложнее.

Вот, например, некий М. Абрамович — директор небольшой фабрики чертежных досок и столов — 28 ноября просил выдать по чеку Центрального Военно-промышленного комитета 5 000 руб. для уплаты рабочим и служащим фабрики. Члены заводского комитета фабрики подтверждают это. На бумаге стоят три неясные подписи членов завкома. Печати нет. Что делать? Абрамовича заставляют идти в домовый комитет заверить подписи завкомовцев¹.

22 ноября представитель чугунно-меднолитейного и механического завода «И. М. Айваз» предъявляет чек завода «Сименс-Шуккерт» на 7 411 р. 35 к. и просит уплатить по нему, так как деньги нужны для заработной платы рабочим. Председатель комитета заводских старост «И. М. Айваз» подтверждает это. Но знает ли о выдаче чека завком «Сименс-Шуккерт»? Может быть, это махинация двух директоров-промышленников? Контроль

¹ ГАОР и ССЛО, ф. 1289, оп. 11, д. 12, л. 1.

банка отказывает выдавать деньги по такому чеку без подтверждения завкома «Сименс-Шуккерт». И только тогда, когда на документе сбоку появились печать заводских старост «Сименс-Шуккерт» и подписи председателя и секретаря, деньги были выданы¹.

Число таких операций все возрастало. Вот почему роль комиссара по контролю фабрично-заводских удостоверений М. П. Лебедева все усложнялась. Ему были даны три помощника. Чтобы обеспечить возможность более тщательной проверки документов, был установлен такой порядок: все клиенты, приходящие за деньгами, должны были в первый день пройти через комнату на первом этаже № 17, где находился Лебедев. Здесь тщательно проверялись подписи и печати. Лебедева торопили всякие представители «завкомов», шумели, возмущаясь тем, что задерживается заработная плата, он же хладнокровно сверял печати, звонил по телефону на предприятие, держа связь с его большевиками, тщательно допрашивал тех, кто пришел за деньгами, зорко стоял на страже интересов государства. Здесь было вскрыто немало подделок документов и фактов, свидетельствующих о том, что промышленники, дельцы вводили в заблуждение фабрично-заводские комитеты. Лишь на другой день с резолюцией Лебедева клиентов пропускали в банк.

Такая задержка вызывала иногда недовольство. 6 декабря в «Правде» было опубликовано обращение Госбанка ко всем фабрично-заводским комитетам, в котором говорилось:

«Товарищи! Вы понимаете, что для того, чтобы контроль выдач денег из Государственного банка был правильно поставлен, необходимо, чтобы и вы приняли в нем самое живое участие. Не относитесь к этому равнодушно. Не дайте буржуазии вытаскивать из банка деньги на ее грязные делишки. Приложите все усилия к тому, чтобы ваш контроль был действительным контролем. Не возмущайтесь тем, что на первых порах будут задержки в уплате жалованья, — это трения вновь налаживаемой контрольной машины, которая обеспечивает вас от расхищения народного достояния. Помогите

¹ ГАОР и ССЛО, ф. 1289, оп. 11, д. 12, л. 6.

комиссарам банка осуществить действительный контроль денежных выдач. Для этого:

1. Пришлите сейчас же в Государственный банк образцы оттисков печатей ваших комитетов и подписей председателей и секретарей комитетов.

2. Снабжайте всех артельщиков, получающих деньги для заводов и фабрик, удостоверениями на получение денег только в тех случаях, когда деньги действительно нужны заводу. Не относитесь к этому халатно. Проверяйте действительную потребность в деньгах и *указывайте в ваших удостоверениях*: а) сумму денег, подлежащую выдаче; б) документ, по которому будет выдаваться эта сумма (чек № ..., ордер казначейства № ... и т. п.); в) цель, на которую пойдут деньги.

3. Не вините комиссаров, если они без таких удостоверений не будут выдавать деньги из банка.

4. Не давайте хозяевам обмануть вас и во всех случаях, когда у Вас будут требовать удостоверения на получение денег, строго проверяйте, нет ли у хозяина или управления заводов других источников денег для покрытия необходимых расходов»¹.

На другой день — 7 декабря в «Известиях» было опубликовано обращение Наркомата труда «Ко всем фабричным и заводским рабочим комитетам», предлагавшее немедленно доставить в Государственный банк главному комиссару В. В. Оболенскому образцы оттисков печатей и полномочных подписей². Эти обращения в значительной мере помогли упорядочению дела. У Лебедева появились образцы подписей и печатей многих фабзавкомов, с которыми можно было сверять печати и подписи предъявляемых удостоверений.

Однако большие очереди не были изжиты. Появились жалобы фабзавкомов крупных предприятий, адресованные в Смольный. С такой жалобой, например, обратился 19 декабря в Петроградский Совет завком Петроградского арсенала. На удостоверении этого предприятия появилась резолюция: «Исполнительный комитет Петроградского Совета Р. и С. депутатов предлагает предоста-

¹ «Правда», № 207, 19 (6) декабря 1917 г.

² «Известия», № 245, 7 декабря 1917 г.; см. также ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 1, д. 56, л. 2.

вить уполномоченному для получения денег казначею арсенала в Государственный банк свободный пропуск»¹.

Вскоре представители всех крупнейших предприятий столицы, где в заводских комитетах сидели проверенные большевики, получили более свободный доступ в банк. Им выдавались деньги не только на заработную плату, но и на иные нужды, а также для расчетов с рабочими других фабрик, которые обслуживали эти предприятия. Так, например, заводской комитет Балтийского судостроительного и механического завода за время с 8 по 29 декабря брал в Госбанке деньги 22 раза на самые разнообразные нужды: 13 декабря — 1 000 000 руб. на заработную плату рабочим; 18 декабря — 7 900 руб. на покупку лошадей для заводского обоза; 20 декабря — 2 047 руб. за доставку материалов на завод; 20 декабря — 5 600 руб. фабрике «Манн» на заработную плату; 23 декабря — 1 230 руб. для расчетов со служащими фирмы «Гентеле и К^о» и т. д.².

Созданный в Госбанке контрольный отдел постепенно стал важнейшим отделом банка, который не давал буржуазии выкачивать из него деньги. Так в Петрограде осуществлялся через Госбанк рабочий контроль над производством. Нити этого контроля тянулись от завкомов через комнату № 17 в Госбанк. Рабочий-большевик М. П. Лебедев много сил и энергии отдал борьбе за этот контроль.

РЕАКЦИЯ ЧАСТНЫХ БАНКОВ

Как уже сообщалось ранее, 15, 16 и 17 ноября частные банки были закрыты, так как их служащие присоединились к забастовке в Госбанке. 17 ноября Совет уполномоченных Кредиттруда постановил: ввиду того, что «Государственный банк 18-го с. м. функционировать не будет», производить в этот день в частных банках лишь ограниченный круг операций: оплату текущих счетов и переводов, выкуп заложенных документов на производственные нужды, доступ к сейфам.

Мотивировка, содержащаяся в этом постановлении, показывает, что саботажники в частных банках не хотели признать тот факт, что Госбанк функционирует,

¹ ГАОР и ССЛО, ф. 1289, оп. 11, д. 12, л. 34.

² Там же, лл. 39—60.

стремились устранить связь с ним частных банков до тех пор, пока продолжается забастовка чиновников Госбанка. Они надеялись на переговоры, которые в этот день вели Г. И. Шрейдер и представители Союза Союзов с комиссарами банка, надеялись на изменение обстановки в Госбанке, на то, что комиссары позволят старым руководителям Госбанка «нормально работать» и не будут настаивать на вмешательстве в его дела.

После ареста Г. И. Шрейдера и Н. Т. Вишневого утром 18 ноября банкиры собрались на совещание в помещении на Фонтанке, 15. Было решено открыть в этот день банки с 11 утра до 1 часа дня, выдачу наличными с текущих счетов сократить до 1 000 руб. для частных лиц и до 20 000 руб. для предприятий, если они дадут подписку, что деньги идут на заработную плату. Суммы сверх тысячи рублей уплачивать чеками на Госбанк, при этом объяснять клиентам, что иначе банки поступить не могут, так как подкрепления из Госбанка они раньше 23 ноября не получают¹. Как отмечается в следующем бюллетене, банки «18 ноября благополучно вышли из затруднений платить по чекам, не имея возможности подкрепить кассу при помощи Госбанка. Это получилось потому, что банки открылись неожиданно для клиентов, из коих одни не пришли вовсе, полагая, что забастовка протянется, а другие, придя утром, разошлись, не дождавшись открытия банков»².

Так, дезориентируя своих клиентов и придерживая у себя деньги, банкиры вышли из положения 18 ноября. Однако 20 ноября, чтобы продолжать ту же линию, нужно было найти какой-то выход.

В этот день утром на совещание банкиров пришел председатель президиума Кредиттруда Л. В. Теслер и заявил, что служащие готовы выполнять все работы, вытекающие из нормальных операций банка, за исключением тех, которые связаны с выдачей чеков на Госбанк, так как из солидарности с забастовщиками на Екатерининском канале они не желают «содействовать восстановлению операций Государственного банка»³. Это вполне устраивало банкиров. Больше тысячи рублей

¹ «Бюллетени Комитета съездов представителей акционерных коммерческих банков», бюлл. № 11, стр. 15.

² Там же, бюлл. № 12, стр. 11.

³ «Правда», № 201, 11 декабря (28 ноября) 1917 г.

они из касс своих банков не выдавали, ссылаясь на отсутствие денег, на то, что Госбанк не дает подкрепления; чеки же на Госбанк они отказывались выдавать, потому что это запрещает Союз служащих кредитных учреждений. Пока есть чем прикрыться, чтобы сберечь у себя не только наличность, но и то, что хранится на текущих счетах в Госбанке, а там Учредительное собрание и все может пойти по-старому.

20 ноября банкиры постановили «чеков на Госбанк не выдавать», банки открывать только на полтора часа с 11 до 12^{1/2}; сумму выдачи предприятиям и учреждениям на зарплату уменьшить до 10 000 руб. Такую же линию они проводили 22 и 23 ноября ¹. Учитывая, однако, настойчивые требования рабочих — выписывать чеки на Госбанк, так как последний, несмотря на саботаж, функционирует, банкиры 22 ноября постановили такие чеки выдавать, но только в исключительных случаях по требованию клиентов ².

23 ноября комиссары Госбанка вызвали к себе представителей частных банков. Прибывшим банкирам из Русско-Азиатского, Международного, Азовско-Донского и других банков было указано, что, по имеющимся у комиссаров данным, саботаж чиновников финансируется частными банками и что это может лишить Госбанк возможности выдавать кому бы то ни было суммы для подкрепления наличности частных банков. Банкиры стали уверять, что и они против стачки чиновников Госбанка, так как она им также невыгодна. Вместе с тем банковские воротилы отказались что-либо сделать, чтобы содействовать преодолению стачки, прикрываясь при этом позицией Кредиттруда, с которым они, дескать, не в состоянии вести борьбу. На деле же они вместе с заправилami Кредиттруда делали ставку на Учредительное собрание.

Так банкиры и их приспешники из Кредиттруда пытались вредить Советской власти. Они припрятавали деньги, необходимые для выплаты заработной платы трудящимся, дезорганизовывали работу предприятий, создавали недовольство у рабочих, натравляли их на комиссаров Госбанка. Все это направлялось опытной рукой

¹ 24 ноября банки были закрыты.

² Бюллетень № 12, стр. 11.

кадетской партии, партии банкиров и промышленников. Такая «банковская» политика входила в общий план борьбы этой партии с Советской властью. Держа в своих руках все нити заговора против новой власти, руководители кадетской контрреволюции действовали скрытно, пытались не выдавать себя. На поверхность событий они выдвигали меньшевистско-эсеровских крикунов и их организации, которые прикрывали свое истинное лицо фразами о «демократии», «большевистском насилии» и т. п. Решающий бой кадетская партия готовила ко дню открытия Учредительного собрания, на которое она возлагала большие надежды.

Однако все получилось не так, как задумала контрреволюционная буржуазия.

РАЗГРОМ ГНЕЗД КОНТРРЕВОЛЮЦИИ. САБОТАЖ ОКОНЧАТЕЛЬНО СЛОМЛЕН

В воскресенье 26 ноября чиновники Госбанка по призыву своих контрреволюционных руководителей собрались в здании Фондовой биржи и постановили 28 ноября работы не начинать, забастовку продолжать. Такую установку дал им Союз Союзов. Банкиры на своем совещании 27 ноября вынесли решение: «Имея в виду, что в день открытия Учредительного собрания занятия совершенно невозможны, считать 28 ноября днем неприсутственным и служащих освободить от явки»¹. В этот день саботажники собирались участвовать в демонстрации в защиту Учредительного собрания, которую готовила контрреволюция².

¹ Бюллетень № 13, стр. 8—10.

² Еще 22 ноября на собрании представителей так называемых социалистических фракций Петроградской городской думы, районных дум, Петроградского Совета, центральных комитетов партий меньшевиков и эсеров было создано бюро для охраны Учредительного собрания (вскоре оно стало именоваться — «Союз защиты Учредительного собрания»). На различных митингах, в своих газетах кадеты, правые эсеры, меньшевики кричали, что большевики хотят сорвать созыв Учредительного собрания.

В ответ на это Совнарком 26 ноября принял декрет, согласно которому Учредительное собрание будет создано, как только соберется не менее 400 депутатов. Еще раньше комиссаром по делам выборов Учредительного собрания был назначен т. Урицкий. К 28 ноября в Петрограде было зарегистрировано только 172 члена Учредительного собрания. Открытие не должно было состояться. Однако «Союз защиты Учредительного собрания» организовал

Вечером 28 ноября, когда стало известно о результатах антисоветской демонстрации, на заседании Совнаркома по предложению В. И. Ленина был принят написанный им декрет «Об аресте вождей гражданской войны против революции»¹. За всей шумихой эсеров и меньшевиков о «демократии» Ленин разглядел скрытый политический штаб кадетов, этот главный центр контрреволюции.

На заседании ВЦИК 1 декабря В. И. Ленин, выступая по вопросу об Учредительном собрании, сказал: «Когда говорят, что кадетская партия не сильная группа, — говорят неправду. Кадетский центральный комитет, это — политический штаб класса буржуазии. Кадеты впитали в себя все имущие классы; с ними слились элементы, стоявшие правее кадетов. Все они поддерживают кадетскую партию»².

После разгрома кадетского центра карающие органы революционной диктатуры обрушились на организации, которые были приводными ремнями этого центра. В ночь на 29 ноября был арестован стачечный комитет Союза Союзов. Среди арестованных были руководители этого комитета Кондратьев, Харьковцев, Коваленко, Безен, Шпилько и другие — всего 27 человек. В тот же день были взяты под арест наиболее активные саботажники из Госбанка: старший контролер М. Н. Никулин, старшие делопроизводители Центральной канцелярии Т. И. Колесников и Н. П. Дружиловский, делопроизводи-

контрреволюционную демонстрацию, в которой участвовало около 10 тыс. человек, в числе которых было много служащих и чиновников — активных саботажников. Часть демонстрантов вместе с кадетами и правыми эсерами, членами Учредительного собрания, смяла охрану Таврического дворца и, ворвавшись в него, объявила себя «частным совещанием членов Учредительного собрания, созданным по постановлению Временного правительства». Они решили ежедневно собираться. Но на завтра была усилена охрана дворца, и революционными матросами уже с 30 ноября были прекращены эти незаконные «частные совещания».

¹ «Члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, — говорилось в декрете, — подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов.

На местные Советы возлагается обязательство особого надзора за партией кадетов ввиду ее связи с корниловско-калединской гражданской войной против революции.

Декрет вступает в силу с момента его подписания». («Декреты Советской власти», т. I, Госполитиздат, 1957, стр. 162).

² В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 316.

тели той же канцелярии С. Г. Столбинин и Н. П. Казанский, служащий Учетного ссудного банка Персии Колосов. В приказе по Госбанку, опубликованном в «Правде», ряд саботажников за противонародное поведение и отказ исполнять свои обязанности были с 29 ноября уволены со службы без пенсии¹.

В конце ноября в банке была организована Военно-следственная комиссия под председательством заведующего Отделом местных учреждений А. Вартадяна. Следственная комиссия Смольного выдала в распоряжение Вартадяна ордера на право ареста злостных саботажников.

Военно-следственной комиссии Госбанка стало известно, что в кабинете директора Учетного ссудного банка Персии часто происходят сборища высших чиновников Министерства финансов. 1 декабря по ордерам, выписанным А. Вартадяном, в этом банке было арестовано 10 человек, собравшихся на совещание для разработки мероприятий, связанных с поддержкой саботажников. Арестованы были б. товарищ министра финансов С. А. Шателен, б. управляющий Главным казначейством Н. С. Петин, б. директор общей канцелярии Министерства финансов В. К. Скворцов, б. вице-директор этой канцелярии Е. М. Балабанов, б. управляющий делами мелкого кредита Министерства финансов К. И. Крылов, директор департамента таможенных сборов С. А. Гринвальд, директор департамента окладных сборов Г. М. Курилло, управляющий Государственным комитетом погашения долгов А. А. Шумахер, член правления городского и земского кредита от Министерства финансов В. М. Кухельбекер и директор-распорядитель Учетного ссудного банка Персии И. П. Гейман. В этот же день были арестованы 11 человек служащих Госбанка и Учетного ссудного банка Персии, оказавшихся в помещении последнего. Все они были направлены в Следственную комиссию Смольного. После допроса из 21 арестованного пять (Шателен, Скворцов, Петин, Балабанов и Гейман) были заключены в пересыльную тюрьму, а остальные освобождены.

При допросе выяснилось, что в кабинете Геймана са-

¹ «Правда», № 206, 18 (5) декабря 1917 г.; см. также ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 1, д. 56, л. 13.

новные чиновники собирались не один раз. Здесь намечалась линия поведения, здесь тайком выплачивалось 20 ноября «жалование» саботажникам. Директор банка И. П. Гейман держал финансовые связи с другими банками и обществами взаимного кредита. Для поддержки уволенных Советской властью крупных финансовых чиновников он организовал выдачу им кредита под личные так называемые «дружественные векселя», которые предполагали учитывать в обществах взаимного кредита. Векселя выписывались на 6 месяцев. Ссуда выдавалась в размере трехмесячного жалования при взносе 10% месячного заработка. Векселя хранились у Геймана. Таким путем Шателен получил 1 000 руб., Петин — 600 руб., Кухельбекер — 500 руб. и т. д.¹

Несмотря на эти меры и на то, что фактически работа в Госбанке успешно развертывалась, злостные саботажники из числа служащих Госбанка продолжали безнадежную борьбу. Собравшись 3 декабря, они решили бастовать до фактического открытия Учредительного собрания².

Центральное управление Всероссийского Союза служащих Госбанка послало на места указание месткомам, чтобы служащие банков не выполняли распоряжений Оболенского и исполняли только распоряжения Цакони³ и Центрального правления Союза служащих банка.

¹ Все эти материалы взяты из папки «Следственное дело по обвинению чиновников Государственного банка в организации саботажа» (ЦГАОР и СС, ф. 386, оп. 1, ед. хр. 8, лл. 1—12).

Тов. Менжинский сделал еще одну попытку использовать арестованных чиновников. 5 декабря он обратился в Следственную комиссию Смольного с просьбой об освобождении Шателена, Балабанова, Петина, Скворцова и Геймана под домашний арест (там же, л. 16). В тот же день они были препровождены к Менжинскому в помещение Министерства финансов (там же, л. 9) для переговоров, а потом освобождены. Окончательно гнездо саботажников в помещении Учетного ссудного банка Персии было ликвидировано 19 декабря, когда там были арестованы 8 старших служащих этого банка, выдававших деньги саботажникам, а Гейман по распоряжению т. Оболенского был выселен из казенной квартиры в Госбанке.

² Через некоторое время Советское правительство объявило, что Учредительное собрание будет созвано 5 января 1918 г. Руководители саботажников обнадеживали опять служащих Госбанка Учредительным собранием. Им помогло и то, что служащие из всяких фондов получили заработную плату за декабрь.

³ Бывший зам. управляющего Госбанком.

Но в тот же день все работавшие в Госбанке (вновь принятые и старые служащие — противники саботажа) устроили собрание, на котором был избран временный комитет служащих из 15 человек. При временном комитете была организована фракция большевиков.

Комитет Союза Союзов¹ решил в виде протеста против большевистского правительства объявить с 7 декабря всероссийскую забастовку служащих общественных, государственных и муниципальных учреждений и предприятий.

На заседании Совнаркома 6 декабря дважды обсуждался вопрос о стачке саботажников. Была рассмотрена «ультимативная просьба» служебного и технического персонала Экспедиции заготовления государственных бумаг об освобождении пяти членов «стачечного комитета», арестованных по предписанию правительства, содержащая угрозы забастовки в случае неудовлетворения их просьбы. Совнарком поручил тт. Менжинскому, Эссену и еще одному представителю от местного районного Совета или партийного комитета (по их выбору) «выяснить на месте вероятность забастовки и возможности борьбы с нею»².

Вслед за этим обсуждалось решение Комитета Союза Союзов объявить с 7 декабря в виде протеста против большевистского правительства всеобщую забастовку служащих общественных, государственных и муниципальных учреждений и предприятий. Было постановлено: «Поручить тов. Дзержинскому составить особую комиссию для выяснения возможности борьбы с такой забастовкой путем самых энергичных революционных мер, для выяснения способов подавления злостного саботажа».

На другой день, 7 декабря, была создана Всероссийская Чрезвычайная Комиссия при Совнарком по борьбе с контрреволюцией и саботажем под председательством Ф. Э. Дзержинского. В посланной т. Дзержинскому для рассмотрения этого вопроса записке В. И. Ленин писал: «Сторонники буржуазии, особенно из высших служащих, из банковых чиновников и т. п., саботируют работу, организуют стачки, чтобы подорвать правительство в его ме-

¹ Большинство из арестованных 29 ноября членов стачечного комитета было к этому времени освобождено.

² ЦПАИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 20.

рах, направленных к осуществлению социалистических преобразований». В. И. Ленин предлагал, чтобы служащие банков, наряду с лицами, принадлежащими к богатым классам, представляли в домовые комитеты заявления о своем доходе, своей службе и своих занятиях. Лиц, виновных «... в саботаже работы или в уклонении от работы в банках, государственных и общественных учреждениях, акционерных предприятиях, железных дорогах и т. п.», он предлагал наказывать денежным штрафом до 5 000 руб., тюрьмой до 1 года или отправкой на фронт, смотря по степени вины¹.

Намечавшаяся всеобщая забастовка с треском провалилась. Провинция ее не поддержала, а в Петрограде 7 декабря работал не только Госбанк, но и частные банки.

По просьбе Комитета служащих банка 6 и 7 декабря происходили переговоры между его представителями, выступавшими одновременно и как представители Союза Союзов, и комиссаром банка. Соглашаясь признать власть комиссара в банке и начать работу, представители служащих настаивали на увольнении более ста человек вновь принятых служащих. Комиссар банка в категорической форме отказал им в этом и поставил ряд условий, при выполнении которых он согласился бы возвратить бастующих на работу. Хотя на собрании 14 декабря саботажники признали эти условия неприемлемыми и постановили продолжать забастовку до созыва Учредительного собрания, чувствовалось, что бессмысленность забастовки становится для большинства служащих очевидной.

15 декабря новые служащие Госбанка (которых уже насчитывалось 500 человек) на общем собрании избрали Комитет служащих, которому передал свои полномочия Временный комитет, избранный 3 декабря.

Саботажникам становилось туго не только в Госбанке, но и во всех министерствах и ведомствах, где они бастовали. Однако в надежде на Учредительное собрание Комитет Союза Союзов еще проявлял в декабре лихорадочную деятельность, поддерживая чиновников, участвую-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 336—337. Троекратное упоминание в записке о саботажниках из банка показывает, что их саботаж послужил одним из поводов создания ВЧК.

щих в саботаже. Из стачечного фонда он отпускал комитетам министерств и ведомств различные суммы для оплаты саботажников. Была разработана даже особая форма удостоверения, с которым обращались эти комитеты в Комитет Союза Союзов. В удостоверении указывалось, какая требовалась сумма для оплаты полного жалования или в крайнем случае для прожиточного минимума, исходя из расчета 200 руб. на человека.

Так, комитет Союза служащих Правительствующего сената 16 декабря удостоверил, «что ему на удовлетворение служащих Сената жалованием, суточными, % добавками и воспособлением по закону 5 августа 1917 г., требуется:

1. За ноябрь (недополучено) 40 425 р. 52 к.
2. За декабрь: суточные 18 266 р. 20 к.
жалование (с % доб. плех. ¹⁾) 111 236 р. 99 к.
3. «Минимум» по расчету 200 р. на
одного служащего, всех служа-
щих в Сенате 687×200 137 400 р.»

Комитет служащих Петроградского телеграфного агентства просил на тех же условиях отпустить ему на жалование за декабрь 60 тыс. руб., а по прожиточному минимуму — 30 тыс. руб. ЦК служащих Государственного контроля просил отпустить жалование и суточные за декабрь 430 тыс. руб., а по прожиточному минимуму — 44 980 руб. и т. д. ².

По таким распискам Комитет Союза Союзов выдавал уполномоченным от комитетов министерств и ведомств деньги для «прожиточного минимума». Например, 21 декабря С. Садковский для содержания Главного управления мест заключения получил 5 000 руб. В тот же день И. Соколов получил для саботажников Министерства народного просвещения 10 000 руб., Государственного призрения — 20 000 руб., Министерства внутренних дел — 20 000 руб.; С. Ольденбург получил для служащих Министерства финансов 15 тыс. руб. ³.

Надежды руководителей саботажа на Учредительное собрание опять провалились. После его разгона в начале

¹ Так написано в архивном документе.

² ЦГАОР и СС, ф. 336, оп. 1, ед. хр. 5, лл. 50, 52, 53, 54.

³ Там же, лл. 29—33.

января 1918 г. масса служащих во всех министерствах стала возвращаться на работу.

Первыми в Госбанке изъявили желание приступить к работе служащие Отдела главного контроля, которым руководил Д. М. Соловей. Об этом он в своих воспоминаниях пишет: «Когда делегаты старых чиновников Главного контроля Госбанка в первый раз ко мне пришли, они были весьма удивлены: большевик, а не с кинжалом в руках и не с бомбой, а человек, умеющий разговаривать культурно и так же общаться с людьми. У них просто глаза открылись, они ведь себе совершенно по-иному представляли большевиков. Это было наслоение той обывательской клеветы, которая имела хождение в то время. Это была определенная политическая работа врагов: представлять нас в извращенном, искаженном свете, запугивая этим несознательные массы»¹.

После этого начался перелом и среди всех остальных служащих. Вскоре саботаж чиновников Госбанка был окончательно сломлен. С середины декабря основная борьба с саботажем переместилась в сферу частных банков, которые 14 декабря были национализированы.

К концу декабря надобность в институте комиссаров уже отпала. 30 декабря приказом по Госбанку было объявлено, что «с 1 января 1918 г. должности комиссаров отделений Госбанка упраздняются. С сего числа комиссары переименовываются в заведующих отделами, исполняя соответствующие этой должности работы»².

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЧАСТНЫХ БАНКОВ

Утром 29 ноября банкиры собрались на Фонтанке, 15. Присутствовали представители 27 банков. Надежда на изменение положения в Госбанке, связанная с Учредительным собранием, провалилась. Денег в кассах банков оставалось мало. Открывать банки или не открывать? Надо ли признавать власть комиссаров Госбанка? Но если не признать, то и подкреплений не получишь. Там же, в Госбанке, текущие счета частных банков, на которых лежат их капиталы; как выкачивать эти деньги из

¹ Стенограмма беседы заведующего Центральным партийным архивом ИМЛ П. Б. Жибарева с Д. М. Соловей 3 июля 1946 г.

² ГАОР и ССЛО, ф. 1289, оп. 3, д. 10, л. 10.

рук большевиков? Да и клиенты настаивают на открытии, требуя деньги со своих текущих счетов. А дадут ли еще комиссары деньги, если к ним обратиться за подкреплением? Все эти вопросы горячо обсуждались в это утро. Представители 20 банков высказались за невозможность их открытия, 7 — за открытие. В конце концов решили банки открыть, если будет твердая уверенность в том, что Госбанк даст подкрепления.

На завтра, 30 ноября, утром, с согласия Кредиттруда постановили открыть банки с 11 до 12 часов и немедленно послать артельщиков в Госбанк за подкреплением. По чекам решили платить не более 1 000 руб. Однако в Госбанке подкрепления не дали. Между тем клиенты заполнили все банки и требовали выдачи денег. 1 декабря банки не открывались.

В этот день комиссары Госбанка пригласили делегацию банкиров на совещание, где был предложен проект условий, при выполнении которых частные банки могут получить подкрепления. 2 декабря банкиры обсуждали эти условия и их банки были вновь закрыты.

Предъявленные комиссарами Госбанка условия состояли в следующем: все частные банки представляют в Госбанк справки о состоянии своей кассы на 2 декабря и затем будут давать такие справки ежедневно, впредь до особого распоряжения, которое может состояться только после нового совещания с банками. Государственный банк обязуется предоставлять всем частным банкам по их требованию 3 млн. руб. наличными деньгами ежедневно. Частные банки со своей стороны обязуются не выдавать более 3 млн. руб. ежедневно чеками на Государственный банк. Распределение этих сумм между отдельными частными банками предоставляется комитету съезда банков. Выдачи до 2 000 руб. чеками на Госбанк воспрещаются. Выдачи наличными сверх 1 000 руб. производятся частными банками только на производственные цели. Высший Совет Народного Хозяйства имеет право посылать своих уполномоченных, непременно при участии представителей Госбанка, в любой частный банк для просмотра всех тех книг и документов, которые он найдет нужным; по отношению к официальным представителям Высшего Совета Народного Хозяйства тайн не существует. Банки должны сообщать, в правлениях каких акционерных обществ они имеют

своих представителей на должностях директоров, членов правления, кандидатов, ревизоров и т. д.¹.

Банкиры согласились принять эти условия, попросив только увеличить сумму до 50 миллионов в неделю (в первый день недели 10 млн. руб., а в остальные пять дней по 8 млн. руб.). Их просьбу комиссары удовлетворили, и на втором совещании 3 декабря соглашение между Госбанком и частными банками было достигнуто.

Утром 4 декабря банкиры распределили первые 10 млн. руб. между банками. В той же пропорции, как и наличные деньги, они распределили 3 млн. руб., которые выдавались чеками на Госбанк. На этих условиях с 4 декабря банки стали работать, открываясь ежедневно с 11 до 12¹/₂ ч. дня.

Под флагом борьбы за «демократию» руководители Кредиттруда выполняли по существу поручения хозяев и так направляли свою «политическую» линию, как это было выгодно банкирам в их борьбе за бесконтрольное выкачивание денег из Госбанка. Они вели себя так, чтобы банкирам было удобно ссылаться на Кредиттруд, когда самим было трудно бороться с комиссарами, предъявлявшими разные неприятные для них требования.

Банкирам было важно, чтобы банки работали, а Союз Союзов, как уже указывалось ранее, с 7 декабря объявил всеобщую стачку. И вот 6 декабря на собрании служащих кредитных учреждений в зале Тенишевского училища было принято завуалированное решение «координировать свои действия в смысле избрания момента для забастовки и установления порядка ее проведения с Союзом демократических организаций». Другими словами, так как для банкиров забастовка в частных банках пока не нужна, то пусть служащие всех других учреждений бастуют, а служащие банков будут пока заниматься «координарованием».

Банкиры были недовольны навязанным им комиссарами контролем, необходимостью ежедневно представлять сведения о расходовании денег, получаемых в Госбанке. Их приказчики из Кредиттруда не замедлили помочь своим шефам. На том же собрании 6 декабря пер-

¹ Этот проект условий опубликован в газете «Наш век», № 5, 5 декабря. Смотри также «Бюллетени Комитета съездов представителей акционерных коммерческих банков», бюлл. № 13.

вым обсуждался вопрос об отношении служащих к контролю со стороны Госбанка. Выступавшие один за другим доказывали, что проведение этого контроля в банках приведет к полной путанице в делах и дезорганизации всей деятельности банков. В таком смысле была принята и резолюция. Мало того, стачечный комитет Кредиттруда в тот же день предписал местным организациям банков ни в коем случае не допускать составления ведомостей для Госбанка с ежедневными отчетами и не отбирать у клиентов сведений о том, на что идут деньги. Этим как бы давалась банкирам возможность в случае непредставления в Госбанк обусловленных сведений сослаться на профсоюзную организацию, которая, дескать, тормозит это дело.

Банкиры больше всего боялись, как бы большевики, увидя недостаточность установленного контроля, не задумали прислать в банки постоянных комиссаров для наблюдения за расходованием средств. И тут кредиттродовцы поспешили на помощь своим господам. На собрании 6 декабря была принята резолюция, указывающая, что в случае вмешательства комиссаров в деятельность банков немедленно будет объявлена забастовка.

Такова в сущности прислужническая «политика» меньшевистско-эсеровских руководителей Кредиттруда. Они делали все, что было нужно их хозяевам, и лишь прикрывались криками о борьбе с большевистским насилием за демократические свободы. Вся их политика определялась в банкирском центре на Фонтанке, 15.

Период деятельности частных банков под установленным последующим контролем советского Госбанка был кратковременным. Уже через несколько дней к комиссарам стали поступать сигналы о том, что банкиры дают неправильные сведения. Отдельные большевики, работавшие в частных банках, сообщали в Совнарком, Ленину и комиссарам, что установленный контроль не достигает цели, что банкиры при помощи всяких махинаций расхищают деньги, отпускаемые Госбанком. Стало ясно: так продолжаться дальше не может, надо ускорить проведение национализации частных банков.

Овладев таким форпостом, как Госбанк, большевики имели все возможности для осуществления этой национализации. Госбанк в руках большевиков стал не только центром, который удовлетворял деньгами все нужды пра-

вительства. Советская власть получила возможность руководить таким важнейшим делом, как выпуск бумажных денег. Овладев Госбанком, большевики поставили его на службу нуждам победившего пролетариата. Они наводили в нем социалистический порядок, ликвидировали операции, которые были свойственны спекулятивному миру капитализма, например операции с процентными бумагами, акциями, ссуды под векселя и учет векселей и т. п. Первостепенное значение получили текущие счета предприятий и кредитование предприятий. Пролетарское государство могло теперь планомерно финансировать промышленность и торговлю, помогая органам рабочего контроля следить за тем, чтобы деньги не уплывали в карманы промышленников, а шли на нужды производства.

В ответ на саботаж фабрикантов, отказавшихся признавать рабочий контроль, Совнарком национализировал их предприятия, объявлял их «собственностью Российской республики». Предприятия, перешедшие в руки государства, финансировались Госбанком. Частные же банки, преследуя свои корыстные цели, стали туго затягивать мешки с деньгами и оставлять ненационализированные фабрики и заводы без средств. Таким образом, они превращались в дезорганизаторов производства. Назрела пора национализировать частные банки и слить их с Госбанком. Сигналы большевиков из частных банков говорили о том, что с этим делом надо спешить.

В начале декабря началась активная подготовка к национализации частных банков.

Овладение Госбанком было большой победой рабочего класса России, его большевистской партии. Вооруженные научной теорией — марксизмом-ленинизмом, большевики после победы пролетарской революции не остановились у ворот банка, как это сделали французские коммунары в 1871 г. Под руководством Ленина — великого пролетарского стратега — они смело пошли в наступление на эту финансовую твердыню буржуазии, чтобы полностью овладеть ею. Не имея своих финансовых кадров, в условиях бешеного саботажа чиновников, под злобную ругань буржуазной и «социалистической» печати они упорно делали свое дело, овладевая одной

позицией за другой в захваченной финансовой крепости. Много пришлось преодолевать препятствий и трудностей. Ведь Государственный и частные банки принадлежали к такому аппарату, о котором В. И. Ленин говорил, что его после пролетарской революции разбивать нельзя и не надо, «...от него надо *отрезать, отсесть, отрубить* капиталистов с их нитями влияния, его надо *подчинить* пролетарским Советам, его надо сделать более широким, более всеобъемлющим, более всенародным»¹.

Вот почему большевикам приходилось применять особую гибкость, нащупывая такие методы борьбы, чтобы не разбить столь нужный аппарат Госбанка, а постепенно подчинить его Советской власти.

При всей сложности обстановки борьба под руководством Ленина развивалась организованно и планомерно.

Вначале большевики пытались привлечь к работе прежних руководителей Госбанка. Лишь после того, как выяснилось, что эти люди противятся Советской власти, занимаются контрреволюционной деятельностью, через две недели после победы Октябрьской революции Советское правительство удалило прежних руководителей со всех постов. Во главе банка и других финансовых органов были поставлены большевистские комиссары.

В ответ на эту меру огромное число чиновников объявило саботаж и ушло из банка. Это не испугало посланцев Ленина. Через неделю они сами доставили в Смольный первые пять миллионов рублей для нужд Совнаркома. Прошла еще неделя, и новые люди в банке стали овладевать всей премудростью банковских дел, используя опыт возвращающихся на работу чиновников. В Госбанке забила новая полнокровная советская жизнь.

72 дня существовала Парижская коммуна, и за все это время коммунары не делали даже попытки овладеть центральным банком. Большевики же в месячный срок полностью поставили Госбанк на службу победившего пролетариата; а на пятидесятый день своего существования — 14 декабря 1917 г. — Советская власть национализировала частные акционерные банки.

Борьба за овладение частными банками была еще более напряженной, чем борьба за Госбанк. Она потре-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 81.

бовала новых огромных усилий со стороны большевистской партии и Советского правительства.

Тов. Хрущев, выступая в ноябре 1958 г. на митинге рабочих Балтийского завода в Ленинграде при встрече с польской делегацией, говорил: «...наши польские друзья в выигрышном положении, они строят социализм не одни... Нам, советскому народу, было труднее... У нас... не было обученной армии, не было опыта управления государством, не было кадров своей интеллигенции. Более того, многие люди из старой интеллигенции, как говорится, волком смотрели на то, что совершалось тогда в России.

Рабочие, трудящиеся нашей страны, взявшие власть в свои руки, не убоились трудностей, не сдались врагу. Они мужественно преодолели все трудности...»¹.

Насколько правдивы эти слова Первого секретаря ЦК нашей партии, какие огромные трудности пришлось преодолевать советскому народу после победы в Октябре 1917 г., можно судить хотя бы по тому, в каких условиях большевикам приходилось овладевать Государственным банком, чтобы поставить его на службу пролетарской революции.

¹ Н. С. Хрущев, К победе в мирном соревновании с капитализмом, Госполитиздат, 1959, стр. 534.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия (Слово старых большевиков)	3
Первые дни	7
Правительству нужны деньги	23
Антисоветское собрание в квартире на Бассейной	27
Разведка товарища Менжинского	29
Наступление	35
Перелом	41
Овладение ключами от кладовых банка	52
Первые пять миллионов в Смольном	56
Новые большевистские кадры	64
Усиление борьбы с саботажниками	70
Работа Госбанка налаживается	75
Контролю — главная роль	80
Реакция частных банков	84
Разгром гнезд контрреволюции. Саботаж окончательно сло- жен	87
Последние дни частных банков	94
